

**ЖАТВА
МОЛЧАНИЯ**

**ХРОНИКИ
ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
ВЕРЫ В КИТАЕ**

ЭДВАРД КЛЭР

Жатва молчания:

Хроники преследования веры в Китае

Эдвард Клар

Я попытался сделать вдох, но грудная клетка отозвалась такой вспышкой огня, что сознание едва не соскользнуло обратно в липкую, химическую тьму. Боль пришла первой. Она не подкралась, не нарастала постепенно — она обрушилась бетонной плитой, выдавливая воздух из легких. Мир возвращался ко мне урывками. Сначала запах — резкий, стерильный дух спирта, потом звук — монотонный, равнодушный писк монитора, отсчитывающий удары сердца, которое, казалось, больше мне не принадлежало. Я разлепил веки.

Белый потолок плыл в тумане. Я знал, что нахожусь в больнице, но от этого знания по спине пробежал холод, страшнее любого тюремного сквозняка. Здесь не лечили. Сюда привозили тех, кто исчезал навсегда. Я попытался шевельнуть рукой, но запястье намертво впилося в холодную сталь наручников, прикованных к каркасу кровати. Это было привычно. За годы, проведенные в застенках, металл стал моей второй кожей. Непривычным было другое. Пульсирующая, злая боль слева, под ребрами. Собрав остатки сил, я скосил глаза вниз. Больничная роба была распахнута. Там, где должна была быть здоровая кожа, белела широкая марлевая повязка, пропитанная свежим багрянцем. Под ней, я знал, тянется длинный, грубый разрез. Шрам, которого не должно было быть. Я не давал согласия на операцию. Я ничем не болел, кроме истощения от голодовок и пыток. Паника, холодная и вязкая, накрыла меня с головой. В затуманенном наркозом мозгу всплыли шепотки из камер, обрывки фраз, в которые мы боялись верить.

В углу палаты на стуле сидел вооруженный охранник. Он смотрел на меня не как на врага, не как на преступника. Он смотрел с тем скучающим безразличием, с каким кладовщик смотрит на инвентарь. Я был для него не человеком с именем, памятью и душой. Я был биологическим контейнером, набором запчастей, ожидающим окончательной «разборки». Я выжил после первой операции, но что они забрали? Или... что они не успели забрать и за чем придут снова?

Меня зовут Чэн Пэймин. Вернее, так зовут человека, чьими глазами я предложил вам посмотреть на этот кошмар в первые минуты нашего знакомства. Сцена, которую вы сейчас пережили вместе с ним, — это не начало медицинского триллера и не плод больного воображения. Это реальность. Это слегка адаптированная художественная реконструкция событий, основанная на личном свидетельстве первого подтвержденного выжившего, которому удалось сбежать из этого конвейера смерти. Его шрам реален. Его ужас реален. И ужас от его осознания, — это та реальность, в которой сегодня живут миллионы людей в Китае.

Оглавление

Глава 1. Исток: Свет и Тень

Глава 2. Китайская антикультовая ассоциация

Глава 3. Рынок живых органов: Расследование Килгура-Мэйтаса

Глава 4. Лица за статистикой: Истории жертв. Стертая элита

Глава 5. Расширение охоты: От Фалуныгун к Церкви Всемогущего Бога

Источники

Я начинаю эту книгу с его истории, потому что человеческий разум имеет свойство возводить защитные стены. Когда мы слышим сухую статистику о тысячах репрессированных, мы скорбно качаем головой, но перелистываем страницу. Цифры обезличивают трагедию. Но когда мы видим один шрам на теле живого человека, который просто хотел молиться, мы теряем право на незнание.

«Жатва молчания» — это описание процесса, в котором весь цивилизованный мир, сам того не желая, принимает участие, закрывая глаза на неудобную правду ради экономических выгод и дипломатического спокойствия. История, которую мне предстоит вам рассказать, началась не в операционной. Она началась в парках и на площадях, где миллионы людей выходили на утреннюю зарядку, следуя принципам «Истина, Доброта, Терпение». Но для тоталитарной машины, которая требует абсолютного контроля не только над действиями, но и над мыслями своих граждан, эта духовная автономия стала нестерпимой угрозой. И тогда был запущен механизм уничтожения, не имеющий аналогов по своей циничности. Почему я решил назвать эту книгу «Жатва молчания»? Потому что преступление такого масштаба невозможно совершить в полной тишине без соучастия окружающих и «молчание» — это то, что делает эту жатву возможной. Это молчание международных медицинских организаций, которые годами принимали фальсифицированную китайскую статистику о донорстве, зная, что в культуре Китая нет традиции добровольного посмертного донорства. Это молчание правительств, которые ставят торговые сделки выше прав человека. Это, наконец, наше с вами молчание — молчание обывателей, которым проще не знать, откуда берется печень или почка для срочной пересадки, доступная в Китае всего за пару недель ожидания, тогда как в остальном мире очереди растягиваются на годы.

В процессе работы над этим исследованием я погружался в бездну человеческой жестокости, но также и в сияющие высоты человеческого духа. Мы заглянем в глаза злу. Мы увидим шрамы на телах и душах. Но мы также увидим невероятную силу духа людей, которые даже под пытками отказываются предать свои убеждения. Их стойкость — это маяк во тьме, напоминание о том, что есть вещи, которые невозможно вырезать скальпелем, невозможно сжечь в крематории и невозможно убить ложью. Мы привыкли думать, что репрессии — это наказание за политический бунт. Но в современном Китае был изобретен механизм, позволяющий уничтожать самых мирных, самых законопослушных граждан,

просто наклеив на них ярлык. Ярлык «секта» (или се цзяо) на языке партийной номенклатуры) действует как кнопка выключения прав человека.

Когда Чэн Пэймин проснулся с тем шрамом, он мог бы сдаться. Он мог бы умереть в безвестности, став еще одной единицей в статистике «успешных трансплантаций». Но он выжил. Он сбежал. И он заговорил.

Глава 1. Исток: Свет и Тень

Я часто думаю о том, как выглядит начало катастрофы. Не тот момент, когда рушатся стены или звучат выстрелы, а та секунда тишины, которая им предшествует. Когда я перебираю архивные видеозаписи середины девяностых, сделанные в пекинских парках, меня не покидает странное чувство: я смотрю на людей, стоящих на краю пропасти, но они видят перед собой лишь рассвет. На зернистой пленке — раннее утро 1997 года. Парк Бэйхай утопает в дымке. Сотни, если не тысячи людей выстроились ровными рядами. Их движения плавны и синхронны, руки медленно поднимаются вверх, словно пытаясь обнять небо. Здесь нет громкоговорителей, выкрикивающих лозунги, нет партийных знамен. Только тихая музыка и ощущение невероятного, почти осязаемого спокойствия. Среди них — пожилые женщины в простых хлопковых куртках, студенты с рюкзаками, рабочие и даже люди в военной форме. Это было время, когда Китай дышал полной грудью, пытаясь заполнить духовный вакуум, оставшийся после десятилетий культурной революции и жесткого материализма.

Изучая историю Фалунь Дафа, я понял, что невозможно понять тьму, которая последовала позже, не увидев сначала этот свет. Это не была просто «гимнастика». Это был феномен, который социологи позже назовут «цигун-лихорадкой», но Фалунь Дафа, представленный мастером Ли Хунчжи в 1992 году, отличался от всего остального. Он обращался не к телу, а к сердцу. Я держу в руках копию «Чжуань Фалунь», главной книги учения, конфискованную у одного из беженцев. Потертая обложка, загнутые страницы. Три иероглифа пронизывают этот текст: Чжэнь, Шань, Жэнь. В мире, где десятилетиями правили принципы классовой борьбы, доносов и выживания любой ценой, эти три слова прозвучали как гром среди ясного неба. Люди потянулись к ним, как измученные жаждой путники к воде.

Зарождение движения (1992-1999). Всё началось не с громких лозунгов и не с политических трибун, а с тишины школьного класса в городе Чанчунь. Был май 1992 года — время, когда Китай, едва оправившийся от ран Культурной революции, жадно искал новые смыслы в мутных водах рыночных реформ. Именно здесь, 13 мая, в скромной аудитории пятой средней школы, человек по имени Ли Хунчжи впервые представил публике то, что вскоре всколыхнет всю Поднебесную, — практику Фалуньгун. В тот день никто из присутствующих не мог предположить, что этот высокий, спокойный мужчина, чья биография казалась сотканной из противоречий обычной жизни и скрытой мистики, запустит механизм духовного возрождения, который к концу десятилетия охватит до ста миллионов сердец.

История самого Ли Хунчжи к тому моменту была похожа на мозаику, в которой советская серость будней переплеталась с невидимой нитью древнего даосского и буддийского воспитания. Рожденный в провинции Гири́н, в городке Гунчжу́лин — то ли 13 мая 1951 года, как утверждал он сам, связывая своё появление с днем рождения Будды Шакьямуни, то ли 7 июля 1952 года, как указывают официальные справочные данные, — он познал горечь безотцовщины еще младенцем. Родители развелись, когда он был ещё ребёнком; в 1955 году он с матерью переехал в Чанчунь, где его детство, казалось бы, шло по стандартному сценарию того времени: школа, прерванная хаосом Культурной революции, а затем — по версии китайских официальных биографий — работа на армейской конной ферме, служба трубачом в лесном полицейском управлении, а затем — долгие годы в охране зерновой компании.

Но была и другая сторона этой жизни, скрытая от посторонних глаз, о которой позже поведают его ученики. Пока страна тонула в красном угаре политической борьбы, юный Ли, согласно преданию внутри движения, шел путем «сюлянь» — практики совершенствования. С четырех лет его наставлял Цюань Цзюэ, десятый наследник школы Великого Закона Будды, а позже эстафету перенял даосский мастер с гор Чанбайшань — так это описывается в поздней духовной биографии. В этой тихой внутренней работе, невидимой для внешнего мира, ковался тот сплав, который в начале девяностых выплеснулся наружу как Фалунь Дафа — Великий Закон Фалунь.

Когда Ли Хунчжи вышел к людям, Китай уже был охвачен «цигун-бумом». В парках очень многие люди выполняли замысловатые движения, пытаясь поправить здоровье или обрести сверхспособности. Однако то, что предложил Ли,

кардинально отличалось от моды того времени. Он не продавал чудеса и не обещал мгновенного могущества. Вместо этого он говорил о вещах, казалось бы, забытых и затоптанных в грязь десятилетиями атеизма: об Истине, Доброте и Терпении — Чжэнь (真), Шань (善) и Жэнь (忍).

Эти три иероглифа стали фундаментом нового мира для миллионов. Ли Хунчжи утверждал, что это не просто моральные догмы, а сама природа Вселенной, живая вибрация, пронизывающая всё сущее — от камня и стали до человеческой души. В отличие от других мастеров, он поставил во главу угла не физические упражнения, а «синьсин» — природу ума и сердца. Гимнастика и медитация были лишь вспомогательным инструментом, в то время как настоящая работа заключалась в очищении помыслов, в отказе от негативных пристрастий и эгоизма. Это было возвращение к корням, синкретический сплав, где даосская честность, буддийское сострадание и конфуцианская праведность слились в единую систему самосовершенствования, понятную современному человеку.

Эффект был ошеломляющим. Люди, уставшие от идеологической пустоты и дороговизны медицины, потянулись к Фалуныгун как к источнику живой воды. Движение росло лавинообразно, передаваясь из уст в уста. Главной причиной этой популярности стала невероятная эффективность практики в оздоровлении. Вчерашние инвалиды вставали на ноги, хронические болезни отступали, и эти свидетельства работали лучше любой рекламы. Но не менее важным было и то, что Фалуныгун декларировал отказ от модели «платного посвящения» и обязательных пожертвований; после 1994 года практика позиционировалась как бесплатная для изучения и выполнения. В мире, где всё начинало измеряться деньгами, Ли Хунчжи впоследствии настаивал, что нельзя брать плату за обучение. Знания передавались свободно, книги можно было скачать из интернета или переписать от руки, а упражнения выполнялись совместно в городских парках под звуки кассетных магнитофонов.

Два года, с 1992 по 1994, Мастер Ли, как его стали называть, непрерывно путешествовал по Китаю. Он провел 54 цикла лекций, и каждый зал был набит битком. Государство поначалу благосклонно взирало на этот феномен. Фалуныгун был принят под эгиду Китайского научно-исследовательского института цигуна. На Восточных выставках здоровья в Пекине в 1992 и 1993 годах Ли Хунчжи упоминается как получивший ряд наград (в переводах встречаются формулировки вроде) титула «Самого популярного мастера цигун» и премии «За продвижение

пограничной науки». Власти видели в этом движении способ снизить нагрузку на систему здравоохранения и укрепить общественную мораль.

Отсутствие иерархии и членских списков делало движение неуловимым и вездесущим. Здесь не было храмов, ритуалов поклонения или бюрократии. Каждый был сам себе храмом, а местом практики становилась любая лужайка. К середине 90-х годов утренняя картина китайских городов изменилась: на множестве площадок практики люди — от десятков до сотен на месте — плавно двигались в унисон, погруженные в медитативный покой. В 1995 году, завершив проповедь в Китае, Ли Хунчжи обратил взор на Запад, начав преподавать за рубежом, а в середине 1990-х уехал в США; к 1998 году он закрепился там юридически (ПМЖ) и обосновался в районе Нью-Йорка. Но семя, посеянное им на родине, дало невероятные всходы. По оценкам, к 1999 году число практикующих достигло десятков миллионов (часто приводят оценки около 70 млн), а в заявлениях сторонников звучала цифра до 100 миллионов человек.

В ряды последователей вливались все: от простых крестьян до профессоров университетов, от торговцев на рынках до некоторых высокопоставленных военных и партийных чиновников. Это было время удивительного духовного ренессанса, когда казалось, что древняя культура Китая наконец нашла способ мирно сосуществовать с современностью. Люди находили в принципах «Истина-Доброта-Терпение» нравственный якорь, которого им так не хватало. Однако именно этот масштаб, эта независимая, стихийная сила, не подконтрольная государству и основанная на вере, а не на партийной директиве, начала вызывать скрытое беспокойство в кабинетах Чжуннаньхая. Тишина парков, наполненная медитирующими людьми, становилась оглушительной для власти, привыкшей к тотальному контролю. Никто еще не знал, что этот золотой век свободного дыхания подходит к концу, и что жатва молчания уже близка.

Апогей конфликта: 25 апреля 1999 года. Рассвет над Пекином в то воскресное утро, 25 апреля 1999 года, был обманчиво тихим. Весенний воздух, еще не нагретый дневным солнцем, окутывал улицу Фую, пролегающую вдоль западной стены правительственного комплекса Чжуннаньхай. Обычно в этот час город только начинает пробуждаться, наполняясь привычным шумом столичной жизни, но в тот день привычный ритм был нарушен явлением, которое впоследствии историки и правозащитники назовут беспрецедентным в новейшей истории Китая. Вдоль тротуаров, растянувшись на километры, стояли люди. Их было много — более

десяти тысяч человек (в разных оценках — до двадцати тысяч). Но самым поразительным было не их количество, а абсолютная, почти звенящая тишина, в которой они пребывали. Это не было похоже на политические демонстрации, которые мир привык видеть в новостных сводках. Здесь не было ни выкриков, ни скандирования лозунгов, ни транспарантов с гневными требованиями. Люди, многие из которых приехали из других провинций, просто стояли или сидели в позе медитации, или читали книги, образуя живую стену, которая не перекрывала движение транспорта и оставляла проход для пешеходов. Это были практикующие Фалуныгун — духовного движения, которое к концу 90-х годов стало неотъемлемой частью социальной ткани Китая. Среди собравшихся можно было увидеть людей всех возрастов и сословий: крестьян в простой одежде, интеллигентов в очках, военных в отставке, женщин с детьми на руках и убеленных сединами стариков. Их объединяло спокойствие и цель, которая привела их к стенам центральной власти, — защита своего права на веру. Чтобы понять, как эта живая река людей оказалась у ворот Чжуннаньхуа, необходимо отмотать ленту времени на несколько дней назад и перенестись в соседний город Тяньцзинь. Именно там, в атмосфере нарастающего напряжения, был зажжен фитиль, приведший к событиям 25 апреля. Корень конфликта лежал в статье физика Хэ Цзосю, опубликованной 11 апреля в журнале педагогического университета Тяньцзиня «Молодежный читатель». Статья содержала необоснованную критику и клеветнические утверждения в адрес практики Фалуныгун, ставя под сомнение ее пользу и моральные принципы. Для миллионов людей, которые благодаря этой практике обрели здоровье и душевное равновесие, подобные нападки казались не просто несправедливыми, но и абсурдными.

Следуя принципам Истины, Доброты и Терпения, практикующие в Тяньцзине решили мирно прояснить ситуацию. С примерно 18 по 24 апреля они приходили к редакции журнала, надеясь вступить в диалог и исправить фактические ошибки в публикации. Однако вместо диалога они столкнулись с грубой силой. Власти города привлекли усиленные наряды полиции и подразделения для разгона массовых собраний. Мирные обращения были встречены дубинками и применением физической силы. По свидетельствам очевидцев, пересказываемым в ряде правозащитных и исследовательских обзоров, полицейские избивали безоружных людей, нанося травмы, и арестовали сорок пять человек. Когда же практикующие потребовали освобождения незаконно задержанных, чиновники тяньцзиньской

мэрии развели руками: «Мы не можем решить этот вопрос. Приказ идет сверху. Если хотите справедливости — поезжайте в Пекин».

Эта фраза, брошенная, возможно, в надежде избавиться от назойливых просителей, стала катализатором. Весть о том, что в Тяньцзине избивают и арестовывают людей за их занятия практикой, и что местные власти перенаправляют всех в столицу, мгновенно разнеслась по сообществу практикующих. Люди передавали друг другу информацию по телефонам, через пейджеры и при личных встречах. Никто не организовывал этот сбор централизованно, не было единого штаба или списков участников. Это был спонтанный порыв тысяч сердец, уверенных в том, что центральное правительство просто дезинформировано, и, если руководству страны рассказать правду, справедливость будет восстановлена. Они верили в закон и в то, что государство способно защитить своих граждан.

Так они оказались на улице Фую. С первыми лучами солнца людской поток заполнил тротуары. Очевидцы и журналисты, прибывшие на место событий позже, были поражены дисциплиной собравшихся. Толпа не была хаотичной. Практикующие самоорганизовались таким образом, чтобы не мешать городской жизни. Они стояли в несколько рядов, оставляя свободным проход пешеходам на тротуаре и не выходя на проезжую часть. Те, кто стоял в первых рядах, по воспоминаниям очевидцев, менялись с теми, кто стоял сзади, чтобы дать возможность пожилым людям отдохнуть. Атмосфера была пропитана доброжелательностью, лишенной агрессии или страха.

Мотивы этих людей были прозрачны и просты. Они пришли с тремя конкретными требованиями, которые позже станут известны всему миру: освободить сорок пять практикующих, незаконно арестованных в Тяньцзине; предоставить законную и невраждебную среду для практики Фалуныгун по всей стране; и, наконец, в ряде пересказов требований также звучала просьба снять запрет на публикацию книг Фалуныгун, в частности, основного труда «Чжуань Фалунь», который уже несколько лет находился в «серой зоне» издательской политики. Это были требования не политической оппозиции, а законопослушных граждан, просящих государство соблюдать собственную конституцию.

Внутри правительственного комплекса Чжуннаньхай, за высокими красными стенами, реакция на происходящее была неоднозначной. Для службы безопасности

появление такой массы людей стало полной неожиданностью, демонстрирующей провал разведывательной работы. Однако премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи, известный своим прагматизмом, выбрал путь диалога. Узнав о собравшихся, он распорядился принять представителей и начал разговор. Премьер попросил выделить представителей для переговоров. Несколько добровольцев из толпы вошли внутрь правительственной резиденции. Переговоры длились несколько часов. В это время многотысячная толпа снаружи продолжала хранить молчание. Никакого мусора, никаких окурков, никаких пластиковых бутылок на асфальте. Позже станет известно, что практикующие не только убирали за собой, но и собирали окурки, брошенные дежурившими полицейскими. Этот штрих, мелкий, но показательный, ярко иллюстрировал нравственный облик собравшихся, который так резко контрастировал с образом «опасных фанатиков», который вскоре начнет рисовать государственная пропаганда.

К вечеру напряжение начало спадать. Представители вышли с хорошими новостями: премьер Чжу Жунцзи заверил, что арестованные в Тяньцзине будут освобождены, и подтвердил, дал понять, что власти не намерены запрещать саму практику. Услышав это, толпа начала расходиться так же тихо и организованно, как и собралась. К ночи улицы Пекина опустели, оставив после себя лишь чистоту. Казалось, инцидент исчерпан, и победил здравый смысл.

Однако эта победа была иллюзорной. Пока Чжу Жунцзи пытался решить вопрос в правовом поле, за кулисами разворачивалась совсем другая драма, предопределившая судьбу миллионов людей на десятилетия вперед. За событиями наблюдал еще один человек — Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь. По некоторым сообщениям, он наблюдал за происходящим и воспринял увиденное как политический вызов. В глазах Цзян Цзэминя эта мирная, молчаливая масса людей предстала не как группа апеллянтов, а как самая страшная угроза его власти со времен студенческих протестов 1989 года на площади Тяньаньмэнь. Но если студенты были громкими и разрозненными, то здесь он увидел дисциплину, которую партия не могла контролировать. Тот факт, что эти люди подчинялись не партийным директивам, а моральным, воспринимался им как идеологический вызов. В ту же ночь, когда улицы Пекина уже опустели, Цзян Цзэминь написал срочное письмо Постоянному комитету Политбюро. Это письмо стало точкой невозврата. В нем он в резких тонах раскритиковал мягкий подход премьера и сформулировал зловещую доктрину будущего преследования. Он вопрошал:

«Неужели марксизм, материализм и атеизм, которые исповедуют наши коммунисты, не могут победить то, что проповедует Фалуныгун? Это было бы величайшей шуткой!»

Цзян Цзэминь намеренно исказил суть события. Мирное обращение, гарантированное законом, он переквалифицировал в «осаду Чжуннаньхуа». В его риторике спокойные люди на тротуарах превратились в политических заговорщиков, якобы управляемых из-за рубежа, хотя никаких доказательств этого не существовало. Его паранойя нарисовала картину борьбы за власть, в то время как практикующие всего лишь хотели спокойно заниматься медитацией и читать книги. Исторический контекст того времени был сложен: партия отчаянно искала врага, чтобы консолидировать ряды и оправдать жесткий контроль над обществом в период экономических реформ. Фалуныгун, с его огромной популярностью и независимостью от государства, стал идеальной мишенью для диктатора, жаждущего утвердить свой авторитет. Внутрипартийные источники позже укажут, что позиция Цзян Цзэминя не сразу нашла единогласную поддержку. По ряду сообщений, в руководстве не было единодушия: часть высших руководителей изначально не видели в Фалуныгун угрозы и считали репрессии ненужными и вредными. Однако Цзян, используя свой административный ресурс и манипулируя фактами, сумел навязать свою волю верхушке партии. События 25 апреля стали для него поводом, который он искал. Он заявил, что партия должна быть мобилизована для «спасения» от идеологической эрозии.

Атмосфера последующих недель напоминала затишье перед бурей. Пока практикующие, воодушевленные мирным диалогом с премьером, возвращались к своей обычной жизни, государственная машина уже начала перемалывать их судьбы. Тайный механизм репрессий был запущен. В июне, выступая на заседании Политбюро, Цзян Цзэминь окончательно обозначил курс на уничтожение. Следствием этого заседания стало создание 10 июня 1999 года печально известного «Офиса 610» — внесудебного органа с неограниченными полномочиями, единственной задачей которого была координация преследования Фалуныгун на всех уровнях: от центрального правительства до деревенских комитетов.

События 25 апреля 1999 года стали водоразделом. Для практикующих Фалуныгун этот день был высшим проявлением гражданского мужества и веры в добро. Они показали миру и своему правительству, что можно отстаивать свои права с абсолютным достоинством, без насилия и ненависти. Их молчание у стен

Чжуннаньхуа было громче любого крика — это был голос пробудившейся совести нации. Но для режима Цзян Цзэминя это же событие стало сигналом тревоги, запустившим маховик жесточайших репрессий современности. То, что произошло у правительственной резиденции, не было бунтом. Это была последняя попытка диалога, рука, протянутая правительству с доверием и надеждой. Трагедия заключалась в том, что власть в лице Цзян Цзэминя не просто отвергла эту руку, но и решила отрубить ее. Исказив факты, назвав белое черным, а мирную апелляцию — «политической осадой», лидер компартии подготовил идеологическую почву для того кошмара, который обрушится на Китай спустя три месяца, в июле 1999 года. Таким образом, 25 апреля осталось в истории как день, когда две идеологии — тоталитарный контроль и духовная свобода — встретились лицом к лицу. Одна сторона продемонстрировала невероятную моральную высоту и выдержку, убрав за собой даже мусор с мостовой. Другая сторона, глядя на это из окон правительственных лимузинов, готовила планы тюрем, трудовых лагерей и пыточных камер. Этот день стал апогеем мирного сопротивления и одновременно предвестником «жатвы молчания», которая вскоре поглотит Поднебесную. Последствия решения, принятого Цзян Цзэминем той ночью, эхом отзовутся в судьбах миллионов семей, превратив миллионы законопослушных граждан в «врагов государства» лишь за их стремление жить по принципам Истины, Доброты и Терпения.

Начало репрессий. Рассвет 20 июля 1999 года над Пекином был обманчиво спокойным. В душном летнем воздухе столицы еще не чувствовалось той тектонической дрожи, которая через несколько часов расколется общество на «верных партии» и «классовых врагов». Для миллионов китайских граждан, следовавших принципам «Истина, Доброта, Терпение», эта дата стала точкой невозврата, днем, когда государство, которому они доверяли, объявило им тотальную войну. Это не было спонтанным взрывом насилия; это была холодная, математически выверенная операция, механизм которой был запущен в глубокой тайне месяцами ранее. Чтобы понять анатомию катастрофы, разразившейся в июле, необходимо отмотать пленку истории на сорок дней назад. 10 июня 1999 года, в закрытых кабинетах Чжуннаньхуа — сердца политической власти Китая — как сообщают многочисленные правозащитные и исследовательские источники, была создана организация, не имевшая аналогов в современной правовой системе. Она не числилась в реестрах государственных учреждений, публично почти не

упоминалась и не имела законодательного обоснования. Ей дали кодовое имя, привязанное к дате создания — «Офис 610».

«Офис 610» стал дамокловым мечом, занесенным над головами десятков миллионов людей. Его структура была спроектирована как внесудебный орган, обладающий экстралегальными полномочиями, вмешивавшийся в работу судов, прокуратуры и полиции. Это было «государство в государстве», подчинявшееся исключительно партийной верхушке и (по сообщениям ряда источников) политической линии Цзян Цзэминя. В задачи этого секретного комитета входило не просто подавление инакомыслия, а полная координация кампании против духовного движения Фалуныгун. Директивы, спускаемые через эту вертикаль, были пугающе конкретны и циничны. Цзян Цзэминь (в пересказах ему приписывают) стратегию из трех пунктов, которая стала негласным законом для палачей на местах: «опорочить их репутацию, разорить их финансово и уничтожить их физически». Именно с создания этого невидимого левиафана началась подготовка к «Жатве молчания».

В ночь на 20 июля скрытые шестеренки репрессивной машины пришли в движение. По всей стране, от мегаполисов до отдаленных провинций, начались скоординированные рейды. Сотрудники общественной безопасности, вооруженные списками, врываются в дома координаторов и активных последователей практики. Аресты проводились стремительно, часто без ордеров и объяснения причин. Людей вытаскивали из постелей, уводили на глазах у испуганных семей. Оценки масштаба этой первой волны варьируются, встречаются оценки от сотен до нескольких тысяч задержанных в первые дни, а в отдельных сообщениях гонконгских СМИ назывались цифры до пятидесяти тысяч человек за первую неделю. Это была операция устрашения, призванная обезглавить движение, лишить его организационной структуры, хотя сама природа Фалуныгун не подразумевала иерархии. Атмосфера в стране изменилась мгновенно. Если еще накануне парки и скверы были заполнены людьми, выполняющими плавные упражнения цигун под спокойную музыку, то утром 22 июля, когда запрет был объявлен официально по всем каналам, эти места опустели или патрулировались полицией. Страх, липкий и всепроникающий, начал просачиваться в повседневную жизнь.

Одновременно с силовым ударом была запущена беспрецедентная по своему масштабу и агрессивности пропагандистская кампания. Власти прекрасно

понимали: чтобы оправдать насилие над миллионами мирных граждан — своих соседей, коллег, родственников, — необходимо дегуманизировать жертву. Государственная медиа-машина, контролируемая Коммунистической партией, заработала на полную мощность. Телевидение, радио и газеты превратились в рупоры ненависти. С экранов телевизоров непрерывно лились потоки обвинений и демонизации. Центральное телевидение Китая (CCTV) транслировало специально подготовленные сюжеты, в которых практика, ранее получавшая государственные награды за вклад в оздоровление нации, теперь клеймилась как «еретический культ». Использовались самые грязные приемы психологической войны: монтаж, вырванные из контекста фразы, постановочные интервью и откровенная фабрикация фактов. Практикующих Фалуныгун, людей, стремившихся к нравственной чистоте, выставляли безумцами, самоубийцами и угрозой обществу. Эта информационная бомбардировка имела целью не только очернить движение в глазах общественности, но и изолировать жертв. Власти возродили методы времен Культурной революции, внедряя систему круговой поруки. На предприятиях, в школах и жилых комитетах проводились собрания, где каждого заставляли подписывать документы с осуждением Фалуныгун. Отказ означал потерю работы, исключение из университета или лишение пенсии. Семьи ставились перед чудовищным выбором: отречься от своих близких или разделить их участь изгоев. Страх перед потерей социального статуса и средств к существованию заставлял многих молчать, отворачиваться или даже соучаствовать в травле. Пропаганда проникала даже в начальные школы, где детей учили ненавидеть «врагов партии», отравляя сознание целого поколения.

Однако аресты и пропаганда были лишь видимой частью айсберга. Под поверхностью официальных новостей скрывалась темная реальность «центров трансформации». Именно туда, в эти внесудебные «черные тюрьмы», свозили тех, кто отказывался предать свои убеждения. Термин «перевоспитание», звучавший в официальных отчетах как нечто педагогическое, на деле означал изощренную систему пыток и психологического лома.

«Центры правового обучения», как их эвфемистично называли власти, создавались повсеместно: в переоборудованных школах, гостиницах, на военных базах и в трудовых лагерях. Их существование часто не имело прозрачного правового оформления, но они были вездесущи. Задача персонала этих заведений была одна — «трансформация». Это был процесс насильственного идеологического

перепрограммирования. От человека требовали не просто формального подчинения, а письменного отречения от истины, которой он жил, и клеветы на своего учителя. Методы «трансформации», разработанные под кураторством «Офиса 610», отличались средневековой жестокостью, усиленной современными знаниями психологии. Практикующих лишали сна на дни и недели, заставляя стоять в неудобных позах или сидеть на маленьких скамейках до образования язв. Их избивали электрическими дубинками, прижигали сигаретами, погружали в грязную воду. Психологическое давление было не менее страшным: угрозы расправы над детьми, постоянное унижение, принудительный просмотр пропагандистских материалов. Целью было сломить волю, уничтожить личность, превратить человека в пустую оболочку. Тех, кто не ломался, ждали трудовые лагеря (лаоцзяо), где рабский труд по 16 часов в сутки становился нормой жизни.

Мотивы этой жестокости кроются в природе самого режима. Цзян Цзэминь, которому многие исследователи и правозащитные источники приписывают ключевую роль в запуске кампании, видел в Фалуныгун экзистенциальную угрозу. Движение не имело политических амбиций, но его независимость, массовость и духовная автономия вызывали у партийной элиты панический страх потери контроля. Ревность вождя к популярности практики и страх перед идеологической конкуренцией стали катализатором трагедии. Последствия 20 июля 1999 года оказались катастрофическими. Власти, развязав руки силовым структурам и создав атмосферу фактической безнаказанности (в ряде свидетельств упоминается установка, что смерти в результате пыток следует оформлять как самоубийства), открыли ящик Пандоры. Систематическое обесчеловечивание группы людей создало условия для преступлений, которые трудно укладываются в сознании современного человека.

В этом контексте выводы независимого расследования, проведенного позже канадскими правозащитниками Дэвидом Килгуром и Дэвидом Мэйтасом, звучат как погребальный звон. Их отчет, ставший итогом тщательного анализа косвенных улик, указал на страшную вероятность: государственная машина Китая использовала узников совести, преимущественно практикующих Фалуныгун, как живой банк органов. Килгур и Мэйтас обратили внимание на необъяснимый взрывной рост трансплантационной индустрии в Китае, начавшийся именно после 2000 года, то есть сразу после начала массовых арестов. Время ожидания органов для богатых туристов сократилось до недель и даже дней, что резко

контрастировало с практикой стран, опирающихся на добровольное донорство. Анализируя данные, исследователи обнаружили разрыв в цифрах: источник происхождения десятков тысяч органов за период с 2000 по 2005 год в их анализе не имел официального объяснения. Совпадение кривых роста репрессий и роста трансплантаций, наряду с показаниями свидетелей и записями телефонных разговоров с врачами, не скрывавшими наличие «живого материала», привело исследователей к выводу, что «масштабное изъятие органов у последователей Фалуныгун происходило и продолжается по сей день». Это стало высшей точкой «физического уничтожения», которое критики связывали предписанного директивами «Офиса 610».

События 20 июля 1999 года стали переломным моментом в новейшей истории Китая. В этот день государственная машина объявила войну совести собственного народа. Атмосфера тайны, страха и безнаказанности, окутавшая страну, позволила свершиться преступлениям против человечности, масштаб которых мир осознает лишь спустя годы. «Офис 610», действуя как внесудебный палач, превратил часть общества в огромный лагерь перевоспитания, где вера стала преступлением, а жизнь и здоровье верующих — объектом репрессий. Это было начало долгой ночи, жатвы молчания, которая продолжается, скрытая за блестящим фасадом экономического процветания. Репрессии загнали движение в подполье, но не уничтожили его. Напротив, они трансформировали его. Лишенные права голоса внутри страны, практикующие создали глобальную сеть сопротивления. Сайт Minghui.org стал цифровой крепостью, одним из ключевых каналов, через который мир узнавал о зверствах в застенках трудовых лагерей и «центров промывания мозгов». Каждая история смерти, каждый факт пыток, опубликованный на этом ресурсе, — это прорыв информационной блокады, установленной «Офисом 610».

Я провел сотни часов перед мерцающим монитором, погружаясь в то, что можно назвать коллективной исповедью целого поколения. Среди бесконечных отчетов о пытках и протоколов задержаний я искал определенный типаж. Не случайных прохожих, не крестьян из глухих провинций, а тех, кто в девяностые годы составлял становой хребет нового Китая. Инженеров. Проектировщиков. Технократов. Людей, чьими руками строилась современная экономическая мощь Поднебесной. Вглядываясь в отсканированные фотографии двадцатилетней давности, я видел лица интеллигентов. Вот они — в белых накрахмаленных рубашках, в очках в тонкой оправе, с тем спокойным и уверенным взглядом, который бывает у людей,

знающих законы физики и сопромата. Они верили в логику, в науку и в будущее своей страны. И тем страшнее читать то, во что превратила их система. Эти люди, чьи истории я прочел, — были технократической элитой Китая. Государство потратило огромные ресурсы на их обучение, а потом еще большие ресурсы — на их уничтожение. Но изучая эти хроники молчания, я понимаю главное: они перестали быть просто инженерами. В горниле репрессий, на «кроватях смерти» и пластиковых табуретах, они перековались в нечто иное. Они стали живым доказательством того, что совесть невозможно ампутировать хирургическим путем, а веру нельзя выбить электрической дубинкой. Я закрываю базу данных. Экран гаснет, оставляя меня в темноте. Но их глаза — глаза людей с фотографий — продолжают смотреть на меня. Теперь я знаю их истории. И молчать об этом больше невозможно.

Глава 2. Китайская антикультовая ассоциация

История учит нас, что за каждым тираном, отдающим приказ, или за каждым студентом, который пишет клеветнические статьи, стоит тень. Это закон скрытого влияния. Кто-то «нашептывает» юному хунвейбину, что его учитель — враг народа. Кто-то стоит за спиной генерального секретаря, поднося ему папку с нужными отчетами, разжигающими паранойю. За лидерами всегда кто-то стоит — серые кардиналы, идеологи, архитекторы страха, чьи имена часто стираются из летописей, оставляя лишь кровавые следы на песке истории. Когда в ночь на 25 апреля 1999 года Цзян Цзэминь написал то самое роковое письмо Политбюро, запустившее маховик репрессий против Фалуньгун, он не был одинок в своей ненависти. Его руку направлял не только личный страх перед утратой власти, но и шепот тех, кто видел для себя «возможности» в уничтожении инакомыслия. Это были люди, понимавшие, что грубой силы полиции недостаточно. Именно из этого темного стремления придать злодеянию респектабельный вид родилась структура, ставшая интеллектуальным фасадом геноцида.

Рождение призрака. Ноябрь 2000 года в Пекине выдался холодным, но в коридорах власти температура накалялась до предела. Спустя примерно семнадцать месяцев

после того, как Коммунистическая партия Китая (КПК) объявила войну десяткам миллионов своих граждан, практикующих Фалуьнгун, репрессивная машина столкнулась с неожиданной проблемой: грубая сила полицейских дубинок не могла сломить дух верующих. Требовалось нечто иное — оружие, которое убивало бы не тело, а волю, и делало бы это под благовидным предлогом «спасения». Именно в этой атмосфере, 13 ноября 2000 года, на свет появилась организация, которой суждено было стать важным элементом идеологического сопровождения преследования — Китайская антикультовая ассоциация (China Anti-Cult Association, CACA).

Как исследователь, погружающийся в мрачные архивы этого периода, я вижу, как тщательно создавалась эта иллюзия. На бумаге CACA предстала перед миром как «добровольная, некоммерческая общественная организация», объединение обеспокоенных ученых, врачей и юристов. Так она описывается и в официальных сообщениях о создании. Но стоит лишь немного поскрести этот гляцевый фасад, как проступает сталь партийного аппарата. Это выглядело не как спонтанное движение гражданского общества, а как тщательно сконструированный механизм, встраиваемый в общую логику подавления.

История создания CACA — это история политической мимикрии. Согласно независимым описаниям, её зарегистрированный адрес был связан с Китайским музеем науки и техники в Пекине. Её финансирование публично прозрачно не раскрывалось на уровне, достаточном для внешней проверки, и это оставляет пространство для интерпретаций. Формальный статус CACA как «неправительственной организации» (НПО) при этом соседствовал с тем, что её деятельность на практике воспринималась как близкая к государственно-партийному контуру (типаж GONGO — government-organized NGO). Когда в ООН или на форумах по правам человека звучала критика действий Пекина, представителям власти не нужно было отвечать самим — вперед выходили «эксперты» из аффилированной экосистемы, размахивая научными степенями и утверждая, что они всего лишь защищают общество от «злых культов». CACA стала «общественным лицом» режима, маской, надетой на лицо палача.

Чтобы понять истинную роль CACA, мы должны взглянуть на того, кто стоит за её спиной. «Офис 610» часто называют китайским Гестапо. Это была структура, действующая поверх закона, обладающая абсолютной властью над судами, полицией и СМИ. Но даже у такой машины убийства была слабость: ей не хватало

легитимности. Ей нужно было теоретическое обоснование насилия. Именно эту пустоту заполняли институты и площадки, производившие «объясняющий» нарратив. Если «Офис 610» был мечом, то САСА стала частью медиально-экспертного «смазочного слоя» для этого меча. Связь между ними в ряде исследований описывается как функциональная и координационная, хотя прямую административную «линию подчинения» по открытым документам восстановить сложно.

Представьте себе этот цинизм: в одной комнате планируются облавы и аресты, а в соседней, под вывеской «научной ассоциации», академики пишут статьи о том, почему эти аресты являются «гуманитарной необходимостью» для защиты социальной стабильности. Лидеры САСА, такие как Чжуан Фэнган, указанный первым руководителем ассоциации, использовали свой авторитет, чтобы придать репрессиям налет научности. Они не просто оправдывали насилие — они разрабатывали методологию «преобразования» (промывания мозгов), которая затем внедрялась в трудовых лагерях и центрах заключения. Когда мы пытаемся персонализировать зло, мы часто ищем имена конкретных палачей. В случае с САСА это сложнее, ибо зло здесь носило академическую мантию, но в ходе расследования всплывало имя Чжан Байчуня, а также имена других псевдоэкспертов (на сайте <http://bohechashe.org.cn>), вот как они описывают свою деятельность:

«Мы боремся с Фалуньгун и другими культовыми организациями уже 24 года. За эти 24 года под мудрым руководством Центрального Комитета партии и Госсовета КНР вся партия мобилизовала и всё общество приняло участие в решительной борьбе с Фалуньгун и другими культовыми организациями в соответствии с законом....». Честно говоря, когда я более детально начал смотреть их работы и подробно изучать подробности написанных ими статей, у меня появилось необъяснимое чувство непонимания и множество вопросов: «неужели люди могут так поступать с другими людьми», «как это возможно», «осознают ли они последствия» ...я не закончил изучение этого источника до конца.

Спустя время я продолжил свое исследование. Настоящим мотором этой машины ненависти был Ван Юйшэн, который в официальных материалах фигурирует как секретарь-генсек и одновременно как ключевая публичная фигура. Занимая посты в руководстве и секретариате, именно он стал одним из архитекторов

пропагандистской стратегии Ассоциации. Человек науки, долгое время работавший в музейно-научной среде, он превратил свои знания в инструмент демонизации. Методы Ван Юйшэна и его коллег были изощренными. Они не просто называли Фалуньгун «ересью». Они мобилизовали весь арсенал псевдонауки, чтобы доказать, что духовная практика является «вирусом», «психическим отклонением». Под их руководством по всей стране было проведено более 1000 выставок, которые, как утверждается, посетили миллионы людей. Но это были не просветительские мероприятия — это были сеансы коллективной ненависти. САСА действовала не только на сцене, но и за кулисами. Её члены, обладая статусом экспертов, напрямую участвовали в процессах «перевоспитания». Представьте себе ученого или психолога, который приходит в камеру к измученному пытками человеку не для того, чтобы помочь, а, чтобы, используя изощренные психологические приемы, сломить последние остатки его воли, заставить подписать отречение от веры. Это было сотрудничество интеллектуальной элиты с тюремными надзирателями, союз, скрепленный партийной лояльностью и, вполне возможно, государственным ресурсом, следы которого редко бывают видны в публичных отчетах.

А — ужасают. Речь идет не просто о запрете организации. Речь идет о сломанных судьбах миллионов людей. Атмосфера тех дней напоминала времена Культурной революции. Государственные СМИ, суды, полиция, армия, школы — всё было мобилизовано. Соседа заставляли доносить на соседа, коллегу — на коллегу. Была развернута тотальная кампания дегуманизации. Практикующих Фалуньгун лишили человеческого облика, представив их как «угрозу стабильности», как безумцев и самоубийц. И САСА стала главным рупором этой дегуманизации, облекая ненависть в псевдонаучные формулировки.

Самое страшное обвинение, которое висит над этим периодом истории, связано с физическим уничтожением людей ради прибыли. Как раз в то время, когда САСА набирала силу и разворачивала свои выставки, в отчете Килгура и Мэйтаса утверждалось, что источник 41 500 трансплантаций за 2000–2005 годы оставался «необъясненным». Их вывод был не статистическим приговором, а заключением по косвенным данным: что значительная часть органов могла быть изъята у узников совести, преимущественно практикующих Фалуньгун. Люди были убиты по заказу, разобраны на запчасти, пока «антикультовые эксперты» рассказывали миру о том, как они спасают общество. САСА не просто молчала об этом. Своей

деятельностью по расчеловечиванию практикующих Фалуньгун она создала моральный вакуум, в котором такие зверства стали возможны. Если вы убедили общество, что определенная группа людей — это «злой культ», недостойный сочувствия, то шаг к тому, чтобы рассматривать их тела как биологический ресурс, становится пугающе коротким.

Сегодня, оглядываясь на два десятилетия деятельности Китайской антикультовой ассоциации, мы видим не общественную организацию, а инструмент государственного террора. Её история — это урок того, как наука, образование и общественный статус могут быть извращены и поставлены на службу тирании. САСА стала частью одной из крупнейших систем подавления инакомыслия в современной истории. Но вместо того, чтобы исчезнуть, Фалуньгун трансформировался в глобальное правозащитное движение. А сама САСА, несмотря на все свои попытки легитимизации, в глазах независимых исследователей и правозащитников осталась символом того, как низко может пасть режим в своем стремлении к абсолютному контролю над человеческим духом. Это не просто глава в истории религиозных преследований. Это предостережение о том, что происходит, когда грань между гражданским обществом и тайной полицией стирается, а борьба за «стабильность» превращается в войну против собственного народа.

Minghui.org, сайт, ставший голосом преследуемых, задокументировал более 5000 смертей в результате прямых репрессий. Но даже эта цифра — лишь верхушка айсберга, видимая сквозь толщу цензуры. Тысячи людей прошли через «центры промывания мозгов», где методики, разработанные «экспертами» САСА, применялись с садистской жестокостью.

Метод «навязывания преступлений». История человечества полна мрачных примеров того, как государство, обладающее монополией на насилие, прежде чем пустить в ход дубинки и наручники, сначала развязывает войну слов. Геноцид и массовые репрессии никогда не начинаются с убийства; они начинаются с определения того, кого «можно» убить. Это процесс ментальной ампутации — отсечения, казалось бы, здоровой части общества от общего организма путем объявления её гангренозной. В Китае на рубеже тысячелетий этот механизм был доведен до совершенства холодного промышленного конвейера. Если в первые месяцы после запрета Фалуньгун в июле 1999 года репрессивная машина работала на энергии прямого административного принуждения, то очень скоро партийные

стратегии осознали недостаточность простого запрета. Чтобы оправдать жестокость, которая уже планировалась в кабинетах «Офиса 610», требовалось нечто большее, чем юридические декреты. Требовался страх. Требовалась кровь — пусть даже вымышленная, но ярко показанная по телевизору. Так родился метод «навязывания преступлений» — изощренная технология стигматизации, призванная превратить десятки миллионов мирных граждан в монстров, угрожающих самому существованию нации. Это была не просто пропаганда; это была операция по созданию альтернативной реальности, в которой жертва назначалась палачом, а духовный поиск приравнивался к безумию. В основе этой стратегии лежал лингвистический и юридический капкан, захлопнувшийся осенью 1999 года.

В китайском контексте, пропитанном имперской и коммунистической историей термин *xiéjiao* означает «еретическое учение» или «гетеродоксальную секту» — клеймо, которым императоры, а затем и маоисты помечали любые неподконтрольные духовные движения, потенциально угрожающие идеологической монополии центра. Маркировка Фалуныгун как *xiéjiao*, закреплённая решением Постоянного комитета ВСНП 30 октября 1999 года и последующими разъяснениями Верховного народного суда в начале ноября 1999 года стала фундаментом для легитимизации насилия. Это было не религиозное определение, а политический приговор. С этого момента к любому практикующему можно было применить статью 300 Уголовного кодекса, предусматривающую драконовские сроки. Но главное — ярлык *xiéjiao* выводил людей за рамки морали. С «сектантами», как объясняли политруки в трудовых лагерях и тюрьмах, можно и нужно делать всё, что угодно, ибо они уже не совсем люди. Однако абстрактного термина было мало. Людям нужны были леденящие душу истории. И государственная медиа-машина, которую в ряде исследований описывают как координируемую партийно-правовым аппаратом, включая структуру «Офиса 610», начала их производить в промышленных масштабах. В первые годы репрессий китайские телеканалы, газеты и радиостанции работали в режиме военной пропаганды. Центральное телевидение Китая (CCTV) транслировало анти-фалуныгуновские материалы часами, в прайм-тайм, заменяя развлекательные шоу бесконечными «разоблачениями». Одним из первых залпов этой войны стала кампания, в ходе которой власти заявляли о «более чем 1 400 смертях», связывая их с Фалуныгун, приписав к движению Фалуныгун случаи самоубийств, отказов от

медицинской помощи душевнобольными и даже убийств, совершенных людьми с тяжелыми психическими расстройствами.

Исследователи Human Rights Watch и журналисты, пытавшиеся разобраться в этом потоке, сталкивались с глухой стеной, но даже сквозь нее просачивалась правда. Логика «навязывания» была цинично простой: если в стране с миллиардным населением кто-то совершал преступление или сходил с ума, и при этом у него дома (или просто «поблизости») можно было «найти» книгу Фалуныгун, этот случай немедленно становился частью статистики «жертв культа». Журналисты-расследователи и правозащитники отмечали вопиющие несостыковки: людей, никогда не занимавшихся практикой, по сообщениям критиков кампании, посмертно записывали в «фанатики», а родственников в некоторых свидетельствах заставляли подписывать признания в обмен на списание больничных счетов или прекращение давления. Создавался образ врага, иррационального и опасного, способного в любой момент убить себя или семью. Эта медийная накачка готовила почву для главного спектакля, который должен был окончательно переломить ход общественного мнения.

Этим переломным моментом стал инцидент 23 января 2001 года. В канун Китайского Нового года, когда вся страна готовилась к семейным застольям, государственное информационное агентство «Синьхуа» взорвало информационное пространство шокирующей новостью: пять человек, которых власти представили как последователей Фалуныгун, совершили самосожжение на площади Тяньаньмэнь, в самом сердце Пекина, якобы ради того, чтобы «вознестись на небеса». Кадры, показанные по CCTV, были ужасающими. Охваченные пламенем фигуры, бегущие полицейские, обгоревшие тела. Особый ужас вызывала судьба 12-летней девочки Лю Сыин и её матери Лю Чуньлин, погибшей на площади. Репортажи били точно в цель — в эмоциональный центр нации. Сочувствие к практикующим Фалуныгун, которое еще теплилось в обществе (многие помнили, как практика оздоравливала их соседей и коллег), испарилось практически мгновенно, сменившись ужасом и отвращением. Этот инцидент стал важным фактором, позволившим властям оправдать дальнейшее ужесточение кампании. Как отмечали позднее аналитики The Washington Post, именно этот инцидент позволил Коммунистической партии перейти от тактики сдерживания к тактике тотального искоренения, получив молчаливое согласие испуганного общества. Однако, когда дым над площадью рассеялся, а эмоциональный шок

уступил место холодному анализу, официальная версия начала рассыпаться, как карточный домик. Исследователи, журналисты и эксперты по видеомонтажу, изучая кадры, предоставленные самим же китайским телевидением, обнаружили такое количество аномалий, что версия об инсценировке стала предметом серьёзных международных дискуссий.

На замедленном воспроизведении можно заметить, что в момент, когда женщина мечется в дыму, за её спиной появляется человек в военной форме, который совершает резкое движение в её сторону с предметом в руках. После этого Лю Чуньлин падает и больше не подаёт признаков движения. Ряд исследователей интерпретировал этот эпизод как возможный смертельный удар, нанесённый до того, как огонь мог причинить фатальные повреждения. Этот фрагмент, зафиксированный камерой государственного телевидения, стал одним из ключевых аргументов тех, кто считает произошедшее не актом самоубийства, а насильственным убийством, представленным публике под иным углом.

Странности на этом не заканчивались. Поведение главного героя репортажа, Ван Цзиньдуна, вызвало недоумение у любого, кто хоть раз видел настоящий пожар или был знаком с учением Фалуньгун. На видео мужчина сидит на земле, якобы сильно обгоревший, но между его ног стоит пластиковая бутылка из-под Sprite, якобы наполненная бензином. В бушующем огне, который плавил синтетическую одежду и превращал кожу в уголь, тонкий пластик бутылки остался девственно зеленым и неповрежденным. Это противоречило всем законам физики. Его волосы, самая легковоспламеняющаяся часть человеческого тела, также остались нетронутыми, хотя лицо было черным от сажи. Более того, призывая к чему-то перед камерой, этот человек выкрикивал лозунги, которые никогда не использовались в Фалуньгун, а его поза медитации (положение рук и ног) была карикатурно неправильной, словно актер, играющий солдата, отдал честь левой рукой. Эксперты по голосовой идентификации из Тайваньского университета позднее предположили, что Ван Цзиньдун, появлявшийся в последующих интервью, и человек на площади — это, возможно, разные люди.

Но, пожалуй, из наиболее обсуждаемых факторов стала сама съемка. Площадь Тяньаньмэнь — это режимный объект огромных размеров. Полицейские патрули там никогда не носят с собой огнетушители. Однако в день инцидента, как по волшебству, десятки полицейских оказались на месте происшествия с полным противопожарным арсеналом в руках, готовые тушить огонь в считанные секунды

после возгорания. Еще более подозрительным было наличие профессиональной видеосъемки. Кадры, показанные по национальному телевидению, включали крупные планы, панорамные облеты и съемку с верхней точки. Власти утверждали, что это записи CNN, конфискованные у журналистов. Однако представители CNN категорически опровергли это, заявив, что их операторов не было на площади в момент начала инцидента, а если бы они и были, то физически не смогли бы снять такие ракурсы в условиях полицейского оцепления. Очевидно, что камеры были расставлены заранее, а операторы ждали команды «мотор».

Странная и трагическая смерть маленькой Лю Сын также стала частью этого мрачного пазла. Согласно официальным сообщениям, девочка, несмотря на тяжелейшие ожоги и проведенную трахеотомию (операцию на горле), спустя всего несколько дней давала четкое, звонкое интервью государственному телеканалу, и даже пела песни. Ряд медицинских специалистов указывал, что возможность четкой речи, а тем более пения, в столь короткий срок после трахеотомии и серьезных ожогов дыхательных путей вызывает серьезные сомнения с точки зрения физиологии. Эти несоответствия стали предметом обсуждения среди врачей и независимых исследователей за пределами Китая.

Вскоре после этого «чудесного» интервью, когда иностранные журналисты стали настойчиво просить о встрече с выжившей, власти сообщили о её смерти в больнице. Причина была обозначена как «внезапное ухудшение состояния», без предоставления подробного медицинского заключения. Ее тело, как и тела других погибших, было кремировано с подозрительной поспешностью, что исключило возможность любой независимой экспертизы и лишь усилило сомнения в официальной версии произошедшего.

Эффект навязывания образа был достигнут. Инцидент на площади Тяньаньмэнь был использован как основание для резкой эскалации репрессий и фактически стал карт-бланшем для деятельности «Офиса 610». Образ «сумасшедшего самосожженца» был намертво приклеен к миллионам людей, исповедующих принципы «Истина, Доброта, Терпение». Это позволило властям радикально сместить моральную рамку происходящего: теперь пытки в центрах заключения и трудовых лагерях назывались не истязанием, а «заботой» и «лечением». Если человек — фанатик, готовый сжечь себя, значит, его нужно связывать, бить током и накачивать психотропными препаратами «ради его же блага», чтобы «спасти» от самого себя.

В отчетах Amnesty International и Human Rights Watch того периода зафиксирован резкий всплеск насилия именно после января 2001 года. Количество смертей в заключении поползло вверх. Стратегия «трансформации» — принудительного отказа от веры — стала основной задачей пенитенциарной системы. Охрана и персонал «классов по промыванию мозгов» получили моральную индульгенцию на насилие. В рамках навязанной пропагандистской картины мира они больше не воспринимали себя как мучителей: им внушалось, что они ведут борьбу с опасным фанатизмом, с «угрозой», а не с живыми людьми. Стигматизация сработала как анестезия для общественной совести. Люди отворачивались, когда их соседей уводила полиция, потому что телевизор убедил их: эти люди опасны.

Исторический контекст этого метода особенно показателен. Как отмечали исследователи Дэвид Килгур и Дэвид Мэйтас, процесс дегуманизации — создание образа «недочеловека» — является ключевым механизмом, без которого массовые преступления против человечности становятся психологически и социально невозможными. В своих работах они указывают, что именно такая дегуманизация создает условия, при которых общество оказывается способным принять и игнорировать даже такие крайние формы насилия, как индустрия насильственного извлечения органов.

Ярлык «xiéjiao», приклеенный на Тяньаньмэнь, стал тем самым инструментом, который позволил медицинской системе Китая перешагнуть через клятву Гиппократа и стать соучастником массовых убийств.

Навязывание преступлений не ограничивалось эпизодом самосожжения. Это была системная, ежедневная работа по конструированию официальной версии реальности. Интернет подвергался тотальной цензуре: любые попытки практикующих рассказать свою версию событий или опубликовать доказательства возможной инсценировки блокировались системой «Золотой щит», а авторы подвергались уголовному преследованию по обвинениям в «разглашении государственных тайн» или «подрыве государственного строя». В то же время за пределами Китая китайские посольства и консульства распространяли материалы, включая брошюры с фотографиями обгоревших тел, формируя негативный образ Фалуныгун в международном информационном пространстве. Однако исторический опыт показывает, что даже в условиях тотального контроля информация не может быть полностью подавлена. Независимые расследования указывали на то, что метод стигматизации стал поворотным моментом в

репрессивной стратегии, к которому власти прибегли, столкнувшись с движением, не поддающимся ни административному контролю, ни экономическому давлению. Фабрикация истории о самосожжении стала высокорисковой ставкой, которая в краткосрочной перспективе действительно позволила резко сократить общественную симпатию к Фалуныгун внутри Китая. Однако в более широкой исторической перспективе именно этот эпизод оказался наиболее уязвимым элементом официального нарратива. Несоответствия в версии властей оказались настолько очевидными, что со временем стали предметом международного анализа и критики. Пластиковая бутылка из-под Sprite, оставшаяся неповреждённой в центре пламени, превратилась в символ противоречивости и лживости всей кампании.

Сегодня, оглядываясь назад, мы видим в событиях 2001 года не просто трагедию обманутых людей или циничную постановку спецслужб. Мы видим анатомию ненависти практически в лабораторном разрезе. Глава 610 и подконтрольные ему СМИ конструировали новую этическую реальность, где сострадание было слабостью, а жестокость — добродетелью. Они навязывали своим жертвам преступления, которых те не совершали, чтобы скрыть свои собственные преступления, масштаб которых миру еще только предстояло осознать. Это была война образов, где против мирной медитации выставили горящий факел лжи, надеясь, что огонь уничтожит истину. Но огонь, зажженный на площади Тяньаньмэнь, вопреки замыслу его создателей, осветил не «безумие сектантов», а лицо режима, готового сжигать своих граждан ради сохранения власти. Этот метод стигматизации, соединивший физическое насилие с медиаманипуляцией, стал одним из самых темных эпизодов в истории современных религиозных преследований, уроком того, как легко превратить жертву в преступника в глазах миллионов, если в одних руках сосредоточены телевизионный экран, судебная система и право на окончательное толкование реальности.

Международное сотрудничество антикультистов.

Зло требует среды для распространения, и, что еще важнее, нуждается в системе оправданий. Когда в 1999 году Коммунистическая партия Китая (КПК) развязала тотальную войну против собственных граждан, практикующих Фалуныгун, режим столкнулся с неожиданной проблемой: как объяснить миру, почему мирная медитативная практика, основанная на принципах «Истина, Доброта, Терпение», была объявлена угрозой государственной безопасности? Ответ оказался найден не

только во внутренних партийных структурах, но и за пределами Китая — в международных экспертных средах, академических конференциях и междисциплинарных форумах, проходивших в Европе и России. Именно там постепенно начала формироваться транснациональная сеть антикультистского дискурса, которая позволила китайским властям адаптировать репрессивную риторику под язык, понятный западной аудитории, и представить внутренние преследования как якобы «нормальную» борьбу с «деструктивными культами».

Репрессии против Фалуныгун представляли собой не стихийную реакцию, а системно выстроенную кампанию, в которой важную роль сыграла Китайская ассоциация по борьбе с сектантством (CACA). Именно CACA выступала организатором «научных» мероприятий, направляла приглашения зарубежным исследователям, инициировала международные конференции и координировала информационные инициативы, призванные придать кампании видимость академической легитимности. Так, в 2017 году группа американских и европейских специалистов по новым религиозным движениям была приглашена CACA для участия в обсуждениях, посвящённых концепции «се цзяо». Ключевая задача этих мероприятий заключалась в том, чтобы внедрить китайскую правовую и идеологическую категорию в международный научный оборот, размывая границы между уголовным преступлением и религиозной практикой и вовлекая западных интеллектуалов в дискуссию, изначально заданную в рамках китайского государственного нарратива.

В центре этой глобальной сети стоит организация с бюрократически сухим названием — Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве, или FECRIS. Созданная в Париже в 1994 году и финансируемая французским правительством, эта структура декларировала своей целью защиту граждан от «сектантских отклонений». Однако для китайского режима она стала подарком судьбы. Исследования CESNUR (Центра по изучению новых религий) вскрывают мрачную иронию: организация, базирующаяся в сердце демократической Европы, по оценкам ряда исследователей, фактически выступила в роли одного из ключевых идеологических партнёров Пекина в оправдании массовых репрессий. Сотрудничество началось практически сразу после того, как Цзян Цзэминь объявил Фалуныгун вне закона. Китаю катастрофически не хватало внешней легитимности. Кадры с площади Тяньаньмэнь, где полиция избивала пожилых женщин, медитирующих на рассвете, вызывали шок у цивилизованного

мира. Пекину нужен был «научный» язык, который перевел бы политическую паранойю на понятный Западу диалект «общественной безопасности». И именно антикультовая среда, в которой FECRIS играла ключевую роль, обеспечила такую риторическую легитимацию.

Уже в 2000 году, когда в китайских трудовых лагерях полным ходом шла «трансформация» заключенных (эвфемизм, широко используемый правозащитниками для обозначения принудительного идеологического давления, сопровождаемого жестоким обращением), французский филиал FECRIS — Центр против ментальных манипуляций (ССММ) — принял участие в «Международном симпозиуме» в Пекине. Это было не просто академическое мероприятие. Это был акт политического рукопожатия. Французские «эксперты» участвовали в обсуждениях совместно с представителями государственных структур КНР, в рамках которых Фалуныгун представлялся не как религиозная или духовная практика, а как форма опасной социальной патологии. Механизм этого сотрудничества был прост и эффективен. Китайские власти использовали категорию «се цзяо» (еретические учения), однако для западного уха «се цзяо» звучало экзотично и непонятно. Западные антикультисты предложили удобный перевод: «деструктивный культ» или «тоталитарная секта». Именно эта лингвистическая адаптация позволила встроить китайскую репрессивную политику в привычный для Запада антикультовый дискурс. Эта лингвистическая подмена стала фундаментом репрессий. Теперь, когда китайский полицейский применял электрическую дубинку к практикующему Фалуныгун, он, согласно новой международной риторике, действовал не как нарушитель свободы вероисповедания, а как участник кампании по «борьбе с культом», якобы направленной на «защиту» и «деконструкцию ментальных манипуляций».

Особенно циничным выглядит то, как понятие «промывание мозгов» совершило полный исторический круг. Изначально этот термин был введен в оборот в американском антикоммунистическом дискурсе в 1950-х годах для описания методов, которые китайские коммунисты применяли к американским военнопленным во время Корейской войны. Спустя полвека западные антикультисты вернули этот термин Китаю, но теперь уже для того, чтобы обвинить в «промывании мозгов» самих жертв режима — последователей Фалуныгун. Это идеологическое сальто позволило КПК представить свои лагеря перевоспитания как центры «депрограммирования», где заблудшим душам якобы возвращают

нормальность. Исследователи отмечают, что связь FECRIS с Китаем носила не только организационный, но и глубоко идеологический характер. Французская модель жесткого секуляризма, рассматривающая религию как потенциальную угрозу республиканским ценностям, нашла свое гротескное отражение в китайском государственном атеизме. Как отмечают аналитики, FECRIS и ее аффилированные структуры имеют давнюю историю поддержки недемократических режимов. Они готовы игнорировать сообщения о пытках, внесудебных казнях и произволе, если жертва носит ярлык «секты».

Россия стала полигоном, где система репрессий была адаптирована и внедрена с пугающей эффективностью. Ключевой фигурой в этом процессе стал Александр Леонидович Дворкин — человек, чье имя стало нарицательным в контексте преследования религиозных меньшинств на постсоветском пространстве. Будучи вице-президентом FECRIS, Дворкин выступал в роли главного связного между европейским антикультизмом, русской православной ортодоксией и китайской репрессивной машиной. Его риторика поразительно мимикрировала под нарративы КПК. Дворкин ввел в российский оборот термин «тоталитарная секта» — ярлык, не имеющий юридического определения, но обладающий разрушительной силой клейма. В 2008 году, находясь в Пекине, Дворкин сделал заявление, которое могло бы выйти из-под пера штатного пропагандиста газеты «Жэньминь жибао» (人民日报). Он публично охарактеризовал Фалуныгун как «жесткий тоталитарный культ», который, по его словам, не приносит никакой пользы обществу, а лишь выкачивает ресурсы и разрушает семьи. Более того, в своих выступлениях он воспроизводил распространённую в официальном китайском дискурсе версию, столь любимую в Пекине: якобы Фалуныгун действует при поддержке американских спецслужб и используется как политический инструмент против Китая. Роль российских антикультистов не ограничивалась публичной риторикой. Их подходы и концепции транслировались через конференции, экспертные обсуждения и публикации, внедряя свое видение в правоприменительную практику. Министерство юстиции РФ, как следует из материалов профильных конференций и экспертных мероприятий, ориентировалось на «экспертизу» таких деятелей при разработке подходов к «нетрадиционным» религиям. Конференция FECRIS в Санкт-Петербурге в 2009 году стала значимым международным форумом, на котором европейские, российские и китайские антикультовые структуры обменивались аргументацией и

практиками, используемыми для обоснования ограничительных мер в отношении религиозных меньшинств.

С 2011 по 2021 год в правоприменительной практике Российской Федерации прослеживалось сближение с китайской моделью отношения к Фалуньгун. Одна за другой следовали судебные решения: книга «Чжуань Фалунь» — основной текст учения — была признана экстремистской, деятельность связанных организаций объявлялась нежелательной. Российские суды, как отмечали эксперты, нередко ограничиваясь формальными экспертизами, штамповали запреты, в логике, сходной с ранее применявшейся в Китае системой административного подавления Фалуньгун. Эксперты и правозащитники прямо указывали на то, что эти действия были продиктованы стремлением продемонстрировать политическую лояльность Китаю, даже ценой коллизий с положениями Конституции РФ, гарантирующими свободу совести. Антикультовая истерия, подпитываемая публикациями в СМИ и выступлениями религиозных деятелей, создавала образ внутреннего врага. Мирные люди, занимающиеся дыхательной гимнастикой в парках, постепенно стали восприниматься в глазах обывателей и полиции как «агенты влияния» и «экстремисты».

Александр Дворкин, Роман Силантьев, протоиерей Александр Новопашин и другие — деятельность этих акторов знаменует собой фундаментальный сдвиг в стратегии подавления религиозных меньшинств: переход к процессу секьюритизации, при котором риторика «духовной безопасности» в публичном дискурсе сближается с языком антитеррористической политики. Центральной фигурой в обеспечении «экспертного» обоснования преследования последователей Фалуньгун в ряде публикаций называется Роман Анатольевич Силантьев, совмещающий позиции заведующего лабораторией деструктологии МГЛУ и члена Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Минюсте РФ. Его ключевым вкладом в архитектуру репрессий стала разработка и внедрение концепции «деструктологии» — направления, критикуемого рядом специалистов как псевдонаучная дисциплина, призванная в практическом применении заменить академическое религиоведение при оценке «угроз». Методологический аппарат Силантьева обнаруживает существенные параллели с риторикой Коммунистической партии Китая (КПК). Он систематически интегрирует нарративы Министерства общественной безопасности КНР в российское правовое поле, утверждая, что запрет Фалуньгун в Китае в 1999 году был обусловлен

исключительно «массовыми случаями психической дестабилизации и суицидов» среди адептов. Игнорируя обширный массив данных международных правозащитных организаций и трибуналов, Силантьев конструирует образ движения как экзистенциальной угрозы национальной безопасности, управляемой западными спецслужбами. Радикализация этого дискурса стала особенно заметной в октябре 2024 года, когда Силантьев публично провел прямую параллель между практикой цигун и международным терроризмом. Характеризуя Фалуныгун как «крупнейшую в мире тоталитарную секту», он сопоставил её структуру и методы контроля сознания с деятельностью «Исламского государства» (ИГИЛ) (*Организация, признанная террористической и запрещенная на территории РФ*) в рамках риторического сравнения. Утверждение о том, что организация «требуется полного подчинения и призывает к разрушению института семьи», призвано оправдать применение к верующим экстраординарных силовых мер, аналогичных тем, что используются против вооруженных формирований. Именно заключения лаборатории деструктологии Силантьева, как следует из судебных материалов, были использованы в ряде дел в качестве экспертной базы для обысков и задержаний в 2024 году, став одним из элементов правового обоснования дальнейшей криминализации движения в Российской Федерации.

Параллельно с «научной» работой Силантьева, идеологическую и медийную поддержку прокитайского курса обеспечивает протоиерей Александр Новопашин, вице-президент РАЦИРС и полномочный представитель движения в Сибирском федеральном округе. Используя статус настоятеля собора Александра Невского в Новосибирске и официального консультанта ГУ МВД по СФО, Новопашин выполняет функцию морального легитимизатора силовых акций. В публичной риторике Новопашина прослеживается систематическое отрицание фактов репрессивной политики КНР в отношении узников совести.

Знаковым маркером его позиции стало интервью 2009 года, в котором он категоризировал задокументированные свидетельства о пытках и насильственном извлечении органов у последователей Фалуныгун как «мифологемы», созданные для формирования «ореола мученичества». Данная позиция зеркально отражает официальные тезисы Пекина, направленные на дискредитацию выводов независимых международных исследований. Роль Новопашина не ограничивается риторикой; он выступает активным звеном в институциональном обмене опытом между российскими и китайскими профильными структурами.

Священнослужитель неоднократно подчеркивал «тесную профессиональную связь» отечественных сектоведов с китайскими коллегами, выделяя борьбу с Фалуныгун как приоритетное направление сотрудничества. В 2023–2024 годах фигура Новопашина оказалась в центре внимания в связи с сообщениями о его участии в закрытых конференциях Китайской ассоциации по изучению культов (САСА). Несмотря на то, что сам протоиерей охарактеризовал информацию о своих поездках как «дезинформационную атаку», его деятельность де-факто служит инструментом «отбеливания» имиджа КПК в глазах православной общественности и российских силовых структур. Деятельность Силантьева и Новопашина нельзя рассматривать как изолированный феномен; она является элементом более широкой транснациональной конфигурации, реализуемой через структуры РАЦИРС и FECRIS.

Анализ показывает наличие устойчивого механизма идеологического трансфера, функционирующего по принципу замкнутого цикла:

Генерация нарратива. Китайские правительственные структуры (Офис 610, САСА) формируют пропагандистские тезисы об «общественной опасности» и «криминальной природе» Фалуныгун.

Валидация и импорт. Российские акторы (Дворкин, Силантьев, Новопашин) поддерживают эти тезисы и нарративы, верифицируют их через статус государственных экспертов и внедряют в российское правоприменение под видом объективного религиоведческого или деструктологического знания.

Экспорт подтверждения. Судебные прецеденты и «экспертные заключения», полученные в России, возвращаются в китайское информационное поле и используются пропагандой КПК как доказательство широкой международной поддержки их репрессивной политики. Именно в контексте этой синхронизации репрессивных нарративов особую значимость приобретает фактологическая сторона вопроса. В то время как российские апологеты антикультизма называют сообщения о массовых убийствах ради органов «мифом» и «политическим заказом», международные независимые расследования раскрывают ужасающую реальность, скрывающуюся за фасадом «борьбы с культами». Деятельность, которую представители антикультовой сети стремятся легитимировать, в Китае приобрела формы индустриального уничтожения людей, что подтверждается обширной доказательной базой.

Ассоциация Фалунь Дафа Канады и аналогичные группы в США сообщают о систематических кампаниях иностранного вмешательства. Практикующие, живущие в свободных странах, сталкиваются с тем, что их электронная почта взламывается, на их адреса приходят угрозы, а их родственники в Китае подвергаются давлению со стороны местных органов безопасности. Агенты влияния, часто действующие под прикрытием культурных ассоциаций или студенческих объединений, организуют контрдемонстрации, пытаются исключить Фалуньгун из участия в местных парадах и фестивалях. Используется тактика рассылки поддельных писем от имени практикующих с оскорбительным содержанием, чтобы дискредитировать сообщество в глазах местных политиков. Подобные методы описываются исследователями как форма транснациональной стигматизации, отработанная внутри Китая и впоследствии перенесённая в контекст западных демократий. Китайские посольства и консульства в ряде случаев, согласно журналистским расследованиям, фигурируют как каналы распространения клеветнических материалов, идентичных тем, что ранее использовались для легитимации репрессий внутри страны. В 2022 году китайские СМИ открыто заявляли, что Фалуньгун «покрывается правительством США», формируя нарратив, призванный представить жертв преследований не как носителей убеждений, а как инструмент внешнеполитического противостояния.

Какова цена этого глобального сотрудничества? Она измеряется не в отчетах конференций, а в человеческих жизнях. Поддержка со стороны таких организаций, как FECRIS, и таких деятелей, как Дворкин, создала для Китая зону комфорта, атмосферу безнаказанности. Когда западные «эксперты» соглашались с тем, что Фалуньгун — это «злой культ», они фактически подписывали индульгенцию палачам. Отчеты Human Rights Watch и Amnesty International рисуют картину ада на земле. Принудительное идеологическое «перевоспитание» — это не лекции, это пытки. Но самым страшным обвинением, нависшим над этим альянсом молчания, является проблема насильственного извлечения органов. Независимые расследования, в том числе Трибунал по Китаю, пришли к выводу, что значительная инфраструктура трансплантационной индустрии КНР питается за счет заключенных совести. Практикующие Фалуньгун, ведущие здоровый образ жизни, стали основным «банком живых органов». Пока на конференциях в Европе обсуждали «сектантские отклонения», в китайских военных госпиталях хирурги проводили операции, которые международные юристы квалифицируют как преступления против человечности и, возможно, геноцид.

Громкие голоса антикультистов заглушают крики жертв. Сотрудничество в стигматизации делает репрессии приемлемыми, а равнодушие — нормой. История антикультового движения в контексте Фалуньгун — это история предательства принципов свободы ради политической целесообразности и идеологических догм. Это механизм, где французский секуляризм, российская подозрительность и китайский тоталитаризм слились в единую машину подавления. Экспорт этой модели продолжается. Сегодня в России человека могут посадить в тюрьму за медитацию и чтение книги, запрещенной по совету «экспертов», которые никогда не пытались понять суть учения, но прекрасно поняли заказ. Эта глобальная сеть не просто борется с «культами» — она борется с правом человека на внутреннюю свободу, и в этой войне пока побеждает государство, вооруженное дубинкой полицейского и пером ангажированного профессора.

Глава 3. Рынок живых органов: Расследование Килгура-Мэйтаса

Проблема насильственного изъятия органов в Китае прошла сложный эволюционный путь в международном дискурсе: от первоначального недоверия, вызванного чудовищной, почти сюрреалистичной природой обвинений, до формирования жесткой доказательной базы, признанной на уровне независимых международных трибуналов. В середине 2000-х годов, когда появились первые свидетельства о существовании индустрии трансплантации, паразитирующей на узниках совести, мировое сообщество столкнулось с феноменом, который не укладывался в привычные рамки нарушений прав человека. Трансформация разрозненных свидетельств в юридически обоснованные факты стала возможной благодаря систематической работе независимых исследователей. Основополагающую роль в этом процессе сыграли канадские правозащитники Дэвид Килгур и Дэвид Мэйтас, журналист-расследователь Этан Гутманн, а позднее — независимый Китайский трибунал в Лондоне. Их коллективные усилия позволили вскрыть механизм функционирования государственной системы трансплантации «по требованию», превратившей медицину в инструмент геноцида.

В 2006 году Дэвид Килгур, бывший госсекретарь Канады по Азиатско-Тихоокеанскому региону, и известный адвокат по правам человека Дэвид Мэйтас инициировали независимое расследование по запросу Коалиции по расследованию преследования Фалуныгун (CIPFG). С самого начала исследователи столкнулись с фундаментальной проблемой: китайская пенитенциарная и медицинская системы представляли собой закрытые структуры, куда доступ международным наблюдателям был категорически запрещен. Невозможность получения прямых улик — доступа к архивам госпиталей, допроса персонала или осмотра мест заключения — требовала применения специфического методологического подхода.

Килгур и Мэйтас применили метод индуктивного доказательства, основанный на кумулятивном анализе косвенных улик и перекрестной верификации данных. Их подход базировался на принципе, что если множество различных факторов указывает в одном направлении и любое альтернативное объяснение, кроме обвинительного, оказывается несостоятельным, то обвинение следует считать доказанным. В своем первоначальном отчете, который впоследствии трансформировался в книгу «Кровавая жатва» (Bloody Harvest, 2009), авторы систематизировали сначала 18, а затем 33 категории доказательств. Каждая улика в отдельности — будь то отсутствие системы добровольного донорства в Китае на тот момент или странности в законодательстве — могла показаться недостаточной. Однако в совокупности они формировали плотную, непротиворечивую ткань доказательств, исключая случайность. Исследователи пришли к выводу, что единственным логическим объяснением наблюдаемых аномалий является существование обширного, централизованно управляемого банка живых доноров, основным ресурсом которого стали практикующие Фалуныгун. Этот вывод авторы охарактеризовали как обнаружение «новой формы зла на этой планете», подчеркивая беспрецедентный характер использования медицинской инфраструктуры в качестве инструмента систематического уничтожения представителей определенной группы.

Одним из наиболее весомых, научно верифицируемых доказательств, представленных исследователями, стал анализ времени ожидания органов. В мировой трансплантологии этот показатель является критическим маркером. В странах с развитыми и прозрачными системами донорства, таких как США, Великобритания или Канада, поиск совместимого органа — это сложный

логистический и биологический процесс, занимающий месяцы, а чаще годы. Например, среднее время ожидания почки в западных странах варьируется от двух до четырех лет. Это обусловлено необходимостью совпадения группы крови и тканевой совместимости (HLA) между донором, умирающим от естественных причин или в результате несчастного случая, и реципиентом. Поскольку смерть донора — событие непредсказуемое, пациент вынужден ждать, когда появится подходящий орган. Ситуация в Китае демонстрировала диаметрально противоположную картину, невозможную с медицинской точки зрения в рамках этической системы. Расследование зафиксировало, что время ожидания в китайских центрах трансплантации составляло от одной до двух недель, а в ряде случаев сокращалось до нескольких дней. Более того, китайские госпитали открыто рекламировали услуги по пересадке сердца или печени к конкретной дате, что подразумевало способность врачей предсказать точное время смерти донора.

Килгур и Мэйтас, а затем и медицинские эксперты, привлеченные к анализу, подчеркивали, что такая оперативность указывает на наличие системы «reverse matching» (обратного подбора). В отличие от традиционной модели, где пациент ждет орган, в китайской системе заключенного подбирают под пациента. Это возможно только при наличии гигантской популяции людей, чьи биологические данные (группа крови, типирование тканей) уже находятся в базе данных, и которые доступны для немедленного изъятия органа по запросу клиники. Фактически, это означало, что донор находится в живом состоянии и ожидает «заказа», после чего подвергается целенаправленному лишению жизни с целью изъятия органа. Зафиксированные случаи экстренных трансплантаций печени в течение 4–6 часов после поступления пациента подтверждали, что доноры находились в непосредственной близости и доступности, что характерно для закрытых пенитенциарных учреждений, сопряженных с госпиталями.

Важнейшим элементом, подтверждающим гипотезу о живых донорах-узниках, стали записи телефонных разговоров, проведенных следователями под прикрытием. Выдавая себя за родственников пациентов, нуждающихся в срочной пересадке и готовых платить за высокое качество, исследователи совершали звонки в десятки госпиталей и центров содержания под стражей в различных провинциях Китая. Эти беседы, задокументированные и прошедшие лингвистическую и техническую экспертизу, содержали прямые признания медицинского персонала и должностных лиц. Врачи неоднократно подтверждали наличие органов, изъятых

именно у практикующих Фалуныгун. Примечательно, что в медицинской среде этот источник биоматериала котировался как «высококачественный». Врачи объясняли это тем, что последователи Фалуныгун ведут здоровый образ жизни, не употребляют алкоголь и не курят, а также занимаются физическими упражнениями цигун, что обеспечивает лучшее состояние органов и их приживаемость. В одном из ключевых диалогов врач прямо признал, что органы поступают от живых доноров, находящихся в заключении, что гарантирует их «свежесть». Аудиоархив этих звонков стал документальным подтверждением того, что знание об источнике органов не было секретом внутри медицинской системы, а являлось частью профессиональной рутины трансплантологов.

Расследование журналиста Этана Гутманна, результаты которого были опубликованы в книге «Бойня» (The Slaughter, 2014), дополнило картину описанием процедур внутри системы лагерей. Опираясь на интервью с выжившими узниками совести, которым удалось бежать из Китая, бывшими сотрудниками полиции и медицинскими работниками, Гутманн выявил специфическую аномалию в обращении с заключенными последователями Фалуныгун. Свидетели единогласно сообщали о прохождении странных, выборочных медицинских осмотров. В то время как в условиях трудовых лагерей заключенные подвергались пыткам, истощению и содержались в антисанитарных условиях, практикующих Фалуныгун регулярно вывозили на дорогостоящие медицинские процедуры: развернутые анализы крови, ультразвуковое исследование внутренних органов, рентген. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что эти обследования никогда не сопровождались лечением выявленных недугов. Единственной рационально объяснимой целью подобных процедур в условиях концлагеря могло быть только типирование тканей и оценка функционального состояния органов для включения в базу данных доноров. Гутманн оценил, что в любой момент времени в системе «лаогай» содержалось от 450 тысяч до 1 миллиона последователей Фалуныгун, из которых десятки тысяч проходили скрининг на совместимость, фактически становясь живым товаром на полке государственного хранилища. Особое внимание в расследованиях уделялось макроэкономическим и статистическим показателям, которые вскрывали ложь официальной китайской статистики. В совместном отчете Килгура и Мэйтаса 2006 года указывалось, что в период с 2000 по 2005 год в Китае было проведено около 41 500 трансплантаций, происхождение которых невозможно объяснить официально заявленными источниками (казненные уголовники и крайне редкие

на тот момент добровольные доноры). При этом взрывной рост трансплантационной активности идеально коррелировал по времени с началом массовых репрессий против Фалуныгун в 1999 году.

В 2016 году Килгур, Мэйтас и Гутманн выпустили фундаментальное обновление своего расследования, проведя детальный аудит инфраструктуры более чем 700 китайских больниц и медицинских центров, вовлечённых в трансплантационную деятельность. Исследователи проанализировали не только официальные отчеты, но и косвенные данные: количество койко-мест в новых трансплантационных крыльях, загруженность хирургических бригад (многие из которых работали круглосуточно), объемы закупок иммуносупрессоров, государственные гранты на развитие и доходы госпиталей. Результаты аудита оказались шокирующими. Реальная пропускная способность системы и фактическое количество операций составляли от 60 000 до 100 000 трансплантаций в год. Эта цифра многократно превышала официальные данные Пекина, заявлявшего о 10 000 операций. Такой индустриальный масштаб требовал постоянного притока огромного количества доноров. Учитывая отсутствие развитой системы добровольного донорства и сокращение числа смертных казней уголовников (по официальным заявлениям), исследователи пришли к выводу, что этот дефицит покрывается за счет массового убийства узников совести. Основной группой жертв были названы последователи Фалуныгун, а также, в меньшей степени, уйгуры, тибетцы и христиане домашних церквей. Этан Гутманн, проводя ретроспективный анализ, оценил, что только в период с 2000 по 2008 год ради органов могло быть убито около 65 000 практикующих Фалуныгун. Кульминацией многолетних усилий по документированию этих злодеяний стала работа независимого Китайского трибунала в Лондоне, начавшаяся в 2018 году. Председателем трибунала выступил сэр Джеффри Найс, королевский адвокат, имеющий опыт работы в Международном уголовном трибунале по бывшей Югославии, где он возглавлял обвинение против Слободана Милошевича. Статус и опыт председателя, а также состав панели экспертов, включавший юристов, специалистов по международному праву и медицине, придали расследованию беспрецедентный вес.

Анализ проблемы насильственного извлечения органов в КНР требует строгого методологического сдвига от статистических аномалий к изучению прямых доказательств. Если расхождения в данных о количестве трансплантаций и невероятно короткие сроки ожидания создают «математическую тень»

преступления, то свидетельские показания и инсайдерская информация проливают свет на его операционную реальность. Реконструкция механизмов, превративших санкционированные государством казни в рыночную индустрию экстракции биоматериала, базируется на синтезе независимых расследований Дэвида Килгура, Дэвида Мэйтаса, Этана Гутманна и судебных выводов Китайского трибунала. Для понимания индустриализации извлечения органов в XXI веке необходимо обратиться к истокам этой практики, где прослеживается эволюция от утилитарного использования тел казненных к заказным убийствам. Критически важным для судебной экспертизы является свидетельство доктора Энвера Тохти, бывшего онколога-хирурга из Урумчи (Синьцзян). Его показания, представленные в Европейском парламенте и на международных слушаниях, подтверждают, что координация между силами госбезопасности и медицинскими бригадами была отлажена задолго до начала массовых репрессий против Фалуныгун. Летом 1995 года доктор Тохти по прямому приказу главного хирурга был направлен на полигон для казней в Западных горах. Его свидетельство фиксирует фундаментальное нарушение медицинской этики и стандартных протоколов казни: он обнаружил заключенного, получившего выстрел не в голову (как требовала инструкция), а в правую часть грудной клетки. Согласно квалифицированной оценке Тохти, заключенный находился в состоянии шока, но был жив, с сохранением активного кровообращения. На вопрос о необходимости анестезии Тохти получил приказ действовать немедленно. Он произвел извлечение печени и почек у живого человека. Характер ранения — несмертельный выстрел, рассчитанный на обездвиживание при сохранении гемодинамики, — указывал на прямой умысел: целью операции было получение органов с идеальной перфузией, а не утилизация трупа. Приказ «забыть о том, что произошло сегодня», полученный им постфактум, свидетельствует о том, что цепь командования для живого извлечения органов в Синьцзяне была сформирована уже к середине 1990-х годов, первоначально отрабатываясь на уйгурах и политзаключенных.

С началом преследования Фалуныгун в 1999 году масштаб операций претерпел качественный сдвиг: от оппортунистического использования казненных преступников система перешла к устойчивой цепочке поставок, управляемой рыночным спросом. Впервые о «конвейерном» характере уничтожения стало известно в 2006 году в связи с деятельностью госпиталя тромбоза в районе Суцзятунь (Шэньян). Этан Гутманн в своем фундаментальном исследовании «Бойня» анализирует показания свидетельницы под псевдонимом «Энни»,

бывшей сотрудницы данной клиники. Ее бывший муж, нейрохирург учреждения, отвечал за процедуру изъятия роговиц у примерно двух тысяч живых практикующих Фалуньгун в период с 2001 по 2003 год. Показания «Энни» раскрыли систему узкой специализации: различные хирургические бригады отвечали за разные органы, часто не имея представления о конечной судьбе донора, что снижало психологический барьер у персонала. Однако наиболее значимой деталью в показаниях стал механизм сокрытия улик: переоборудованная котельная использовалась как крематорий для немедленного уничтожения тел после экстракции органов. Эти данные стали катализатором для начала всестороннего независимого расследования Килгура и Мэйтаса, переведя вопрос из плоскости слухов в плоскость криминалистики.

Наиболее весомым косвенным доказательством существования централизованной системы селекции стали показания выживших узников совести. Свидетели, такие как Дженнифер Цзэн и Грейс Сунь, предоставили детализированные отчеты о специфических медицинских процедурах в системе трудовых лагерей. Заключение, находящиеся в условиях жесткой изоляции, подвергались забору больших объемов крови, рентгенографии грудной клетки и ультразвуковому исследованию внутренних органов. Принципиально важно, что обследования строго ограничивались «рознично ликвидными» органами — печенью, почками, сердцем и роговицей. В условиях пыток, крайнего истощения и рабского труда, где заключенным систематически отказывали в лечении элементарных травм, подобные дорогостоящие диагностические процедуры не могли преследовать терапевтических целей. Эксперты квалифицировали это как доказательство функционирования системы «reverse matching» (обратного подбора). В отличие от традиционной западной модели, где пациент ожидает смерти подходящего донора, китайская модель инвертировала временную шкалу: заключенный («живой донор») содержался в биобанке лагерной системы до момента появления платежеспособного реципиента.

Конвергенция описанных доказательных потоков — прецедента в Синьцзяне, показаний медицинских инсайдеров и необъяснимого скрининга в лагерях — легла в основу вердикта Независимого трибунала по насильственному извлечению органов у узников совести в Китае (China Tribunal, Лондон, 2019). Трибунал под председательством сэра Джеффри Найса, бывшего прокурора Международного трибунала по бывшей Югославии, изучив тысячи страниц документов и заслушав

десятки свидетелей, пришел к выводу «вне всяких разумных сомнений», что «насильственное извлечение органов совершалось в Китае на протяжении многих лет в значительных масштабах, а практикующие Фалуньгун являлись основным источником поставок органов». Заключение Трибунала констатирует, что медицинские учреждения КНР, действуя под протекцией партийно-государственного аппарата, фактически превратили трансплантологию в инструмент преступлений, обладающих признаками геноцида

Глава 4. Лица за статистикой: Истории жертв. Стертая элита

Есть моменты в истории, когда воздух в стране меняется. Он становится тяжелым, вязким, пропитанным невысказанным страхом. Это происходит не тогда, когда лязгают тюремные засовы, а раньше — когда слова меняют свой смысл, когда вчерашний сосед становится «другим», «чужим», «врагом». Мы часто смотрим на тоталитарные режимы как на безликие машины, перемалывающие судьбы, но забываем, что у каждой машины есть инженеры, есть операторы и есть топливо. Самое страшное топливо — это молчаливое согласие большинства, убежденного в том, что зло совершается во благо. В Китае конца 1990-х годов этим злом была назначена вера, а механизмом её уничтожения стала бюрократия, возведенная в ранг абсолюта. История преследования Фалуньгун — это учебник того, как антикультуристская пропаганда может мобилизовать каждый атом своего ресурса — от полиции до науки, от школьной скамьи до больничной палаты — ради уничтожения идеи. В тени небоскребов Пекина и Шанхая, за фасадом стремительной технологической модернизации Китая, скрывается трагедия, масштаб которой измеряется не цифрами ВВП, а сломанными судьбами тех, кто этот ВВП создавал. Это история о «стертой элите» — интеллектуальном костяке нации. До 1999 года многие из них рассматривались государством как ценный социальный ресурс, получали официальные благодарности, награды и различные формы институциональной поддержки со стороны государственных структур, включая органы, подчиненные Госсовету. Но в одночасье, с началом репрессивной кампании против Фалуньгун, их статус «национального достояния» был

аннулирован. Их дипломы обесценились, их научные труды были изъяты, а сами они превратились в объекты систематического уничтожения в системе трудовых лагерей и центров «промывания мозгов».

Передо мной на экране разворачивается история человека, которого в официальных сводках называют просто «инженер из Даляня». Сопоставив даты, детали арестов и специфику пыток, я понимаю, что передо мной судьба инженера Лу Кайли. Уважаемый специалист, отец, муж. Его мир рухнул не потому, что он совершил преступление, а потому, что отказался лгать. Когда начались репрессии, он, как и многие его коллеги-технократы, был уверен: наверху произошла ошибка. Нужно просто объяснить. Написать письмо. Подать апелляцию в соответствии с законом. Они мыслили рационально. Но система, с которой они столкнулись, была иррациональна в своей жестокости. Вместо диалога их ждали аресты. И здесь начинается самая темная часть архивов — хроника расчеловечивания.

История Лу Кайли — это тринадцать с половиной лет ада. Я смотрю на даты: 2000, 2005, 2010 годы. Пока мир следил за экономическим чудом Китая и Олимпиадой в Пекине, в застенках тюрем Ляонин и Паньцзинь методично уничтожали лучшего инженера. В документах описывается пытка, цинично названная «кроватью смерти». Это не метафора. Человека привязывают к металлической койке за руки и ноги, растягивая тело до предела разрыва связок. Он получил травму и не мог двигать нижними конечностями. У Лу Кайли были множественные переломы поясничных позвонков, крестца и лодыжек, а также поврежден нерв в копчике. В его лодыжках и поясничных позвонках были установлены стальные стержни. Чтобы передвигаться, ему приходилось опираться на кулаки, и вокруг суставов пальцев у него образовались толстые мозоли. Из-за травм и повреждения нервов он утратил способность контролировать дефекацию.

Я закрываю глаза, но текст продолжает пульсировать в сознании. Лу Кайли, человека, привыкшего работать головой, превращали в кусок мяса. Его подвешивали за наручники так, что ноги едва касались пола, и часами били высоковольтными электрическими дубинками.

И таких историй множество. В одночасье десятки миллионов людей были объявлены врагами государства. Технические специалисты, начальники цехов, ведущие инженеры авиационных заводов пришли на свои рабочие места и обнаружили, что их дипломы ничего не значат, а их заслуги аннулированы.

Единственным критерием их права на существование стал ответ на вопрос: «Будешь ли ты практиковать дальше?».

В архивах я нахожу воспоминания инженера из Цицикара. До 1999 года это был человек, измученный хроническими болезнями — тяжелый ревматоидный артрит скручивал суставы, сердце сбоило от перегрузок. Но начав практиковать, он, как и миллионы других, пережил то, что врачи называли чудом, а он сам — возвращением к норме. Боли ушли. Он перестал брать больничные. Его работоспособность выросла. На государственных предприятиях таких сотрудников ставили в пример: они не пили, не брали взятку, не воровали казенные детали. Казалось, государство должно молиться на таких граждан.

Его имя скрыто, но детали пыток описаны с точностью, от которой стынет кровь. В полицейском участке Бэйдацзе в 2001 году с ним не церемонились. Зимой, в лютый мороз, его раздели до нижнего белья и вытащили на улицу, бросив в сугроб. Пока его тело коченело, полицейские поливали его ледяной водой. Но самым страшным было не это. В показаниях детально описан метод «массажа» ребер. Палачи использовали крышку от фарфоровой чайной чашки. Они вдавливали её край между ребер жертвы и с силой терли, раздирая кожу и надкостницу, пока человек не терял сознание от болевого шока. А потом приводили в чувства и били электрическими дубинками в самые чувствительные места: подмышки, пах, область сердца. Этого человека, некогда излечившегося от тяжелого артрита благодаря гимнастике, выпустили из тюрьмы Харбина только тогда, когда он полностью потерял способность ходить. Семья забирала его домой на носилках — искалеченное тело, в котором всё еще теплился негибимый дух.

Не менее чудовищны свидетельства, касающиеся женщин-профессионалов. История Ван Мэйхун, старшего инженера из города Муданьцзян, раскрывает другую грань этого террора. Ее пытка была тихой, статичной, но оттого еще более жуткой. В женской тюрьме Хэйлунцзяна не всегда использовали ток. Там использовали время и неподвижность. Ван Мэйхун заставляли сидеть на маленьком пластиковом табурете. Семнадцать часов в день. Спина прямая, руки на коленях, глаза открыты. Запрещено двигаться. Запрещено закрывать глаза. Запрещено разговаривать. Если вы попытаетесь просидеть так хотя бы час, ваше тело начнет ныть. Через три часа боль станет острой. Ван Мэйхун провела в тюрьмах в общей сложности более пятнадцати лет. Читая её досье, я поражаюсь изощренности психологического насилия. Уголовницы назначались её

надзирателями. Им давали право бить её за малейшее движение, за косой взгляд. Интеллигентную женщину, элиту общества, заставляли учить наизусть тюремные правила и смотреть пропагандистские ролики, в которых её веру называли «злом». Ее лишили права на профессию, на семью, на достоинство, пытаясь превратить в покорное животное. Но каждый раз, выходя на свободу, она оставалась собой.

Среди этих файлов есть и те, что заканчиваются словом «смерть». Авиационный инженер Ху Линь. Молодой, талантливый Юань Цзян из Цинхуа. Они могли бы проектировать новые самолеты, создавать IT-инфраструктуру, двигать науку вперед. Вместо этого Юань Цзян умер в 29 лет после около двух месяцев пыток, а Ху Линь скончался в тюрьме Канцзяшань, отказавшись от пищи в знак протеста. Их потенциал, их знания, их жизни были просто стерты, перемолоты жерновами государственной машины, которая испугалась их внутренней свободы.

Инженеру Е Хао (Mr. Ye Hao) было всего 35 лет. Талантливый инженер проектно-конструкторского института «Чжуннань» в Ухане, он представлял собой будущее китайской инфраструктуры. Молодой, образованный, здоровый. Его уничтожение было физическим и методичным. В октябре 2000 года Е Хао совершил поступок, требовавший огромного мужества: он отправился в Пекин, чтобы подать апелляцию в защиту своего права на веру. В ответ государство лишило его всего. Сначала были конфискованы его сбережения — около 10 000 юаней, что обрекло его на нищету и скитания. Но настоящий ад начался в марте 2001 года, когда его отправили в исправительно-трудовой лагерь Хэвань. Второй отряд лагеря Хэвань стал местом его мученичества. Здесь методы «перевоспитания» инженера были средневековыми. Ему не давали спать сутками — иногда до недели подряд. Его подвешивали за наручники к оконным рамам, оставляя в таком положении часами, пока суставы не начинали разрываться от боли. Ему запрещали пользоваться туалетом. Надзиратели Чжоу Хоушунь и Чэнь Юн открыто поощряли уголовников избивать интеллигентного инженера за любой отказ сотрудничать. Когда в феврале 2003 года его, полуживого, выпустили из лагеря, он был лишь тенью прежнего человека. Институт уволил его. Полиция изъяла документы, удостоверяющие личность, сделав невозможным любое трудоустройство. Лишенный средств к существованию, сломленный физически, но не духовно, он прожил на свободе всего два года под постоянным надзором. 18 октября 2005 года сердце 35-летнего инженера остановилось. Страна потеряла строителя, который мог бы возвести города, но вместо этого был перемолот жерновами идеологической чистки.

Масштаб репрессий против интеллектуальной элиты подтверждается множеством других задокументированных случаев. Истории людей — это не просто эпизоды нарушения прав человека. Это свидетельство того, как тоталитарная идеология совершает акт самовредительства национального масштаба. «Стирая» свою элиту, Китай лишил себя тысяч патентов, открытий и инженерных решений. Но еще страшнее моральная цена: превращая своих лучших ученых в узников совести, режим посылает обществу сигнал о том, что лояльность партии выше интеллекта, а дубинка полицейского весомее диплома инженера. Жатва продолжается, и каждый новый арест — это еще одна вырванная страница из книги будущего, которое могло бы наступить, но было отменено указом сверху.

По состоянию на 2025 год, механизм репрессий не только не остановлен, но и продолжает функционировать с пугающей ритмичностью. Согласно данным, собранным Minghui.org через сеть гражданских журналистов и верифицированным по мере возможности в условиях жесткой информационной блокады, картина текущего года выглядит следующим образом: только за первую половину 2025 года (по июль) было подтверждено 76 смертей практикующих в результате преследований. Давление остается массовым: в отчётах, опубликованных за июль и август 2025 года наблюдался всплеск активности силовых структур, было зафиксировано 937 случаев (468 арестов и 469 случаев харассмента). Особую тревогу вызывает возраст жертв: в летние месяцы 2025 года не менее 159 пострадавших были людьми старше 60 лет.

Оглядываясь на эти события, невозможно отделаться от чувства глубокой тревоги. Самое ужасное в этой истории не только жестокость системы, но и то, что всё это творим мы, люди. Как это стало возможным? Как мы допустили, чтобы ярлык «культист» или «сектант» расчеловечивал наших соседей, коллег, сограждан?

Антикультизм и его пропаганда стал инструментом, который позволил нам разделить мир на «правильных» и «неправильных» верующих, на «своих» и «чужих». Мы позволили вбить клин не только внутри отдельных стран, но и между народами. Когда мы молчим, глядя на то, как кого-то арестовывают за медитацию или молитву, мы не просто проявляем равнодушие — мы соглашаемся, что свобода совести — это не право, а привилегия, которую можно даровать или отнять по усмотрению.

Жатва молчания продолжается. И пока мы не осознаем, что права одного человека — это права всего человечества, этот конвейер будет работать, перемалывая новые и новые жизни, меняя лишь названия «сект» и имена жертв. Ведь в конечном итоге, вся эта гигантская машина репрессий держится на одном маленьком винтике — на нашем согласии с тем, что кого-то можно считать «недочеловеком» ради спокойствия государства.

Методики «перевоспитания», системы распознавания лиц, идеологическая обработка — все это было отшлифовано в борьбе с Фалуньгун. Китай превратил это преследование в полигон для тестирования технологий репрессий, которые затем были применены против других групп. Возьмем, к примеру историю Христианской Церкви Всемогущего Бога, которую также заклеямили как «злой культ». Ее последователи столкнулись с той же безжалостной машиной: аресты, пытки, демонизация в СМИ.

Глава 5. Расширение охоты: От Фалуньгун к Церкви Всемогущего Бога

В туманной дымке 1991 года, в сердце китайской провинции Хэнань, начал разворачиваться сюжет, который вскоре потрясет религиозный ландшафт Поднебесной и станет одной из самых драматичных глав в современной истории борьбы за свободу вероисповедания. Именно здесь, среди бескрайних полей и скрытых от посторонних глаз домашних церквей, зародилось движение, известное сегодня как Церковь Всемогущего Бога, или «Восточная Молния». Это было время, когда духовный вакуум, оставленный десятилетиями культурной революции и государственного атеизма, требовал заполнения, и миллионы людей искали утешения, которое не могла предложить официальная идеология. В центре нового учения оказалась фигура, бросившая вызов тысячелетним догматам. Для западного наблюдателя это могло показаться радикальным отходом от традиции, но для жителей китайской глубинки, привыкших к страданиям и тяжелому труду, идея о том, что Бог воплотился здесь и сейчас, чтобы говорить на их языке и разделить их боль, обладала магнетической силой. Ян Сянбинь, которую исследователи идентифицируют как ту самую земную оболочку божества, и

административный лидер Чжао Вэйшань стали архитекторами движения, которое провозгласило наступление Эпохи Царства, сменившей библейские Эпохи Закона и Благодати.

Феномен стремительного роста Церкви Всемогущего Бога до сих пор вызывает споры среди социологов и религиоведов. За невероятно короткий срок, несмотря на жесткий контроль со стороны Коммунистической партии Китая, число последователей достигло, по разным оценкам, от трех до четырех миллионов человек. Этот успех был обусловлен не только теологической новизной, но и глубоким социальным резонансом. В сельских районах, где государственная машина часто воспринималась как карающий механизм, а традиционные социальные связи рушились под гнетом урбанизации, Церковь предложила новую форму общности. Простота проповедей, распространяемых через песни и устную традицию, а также мощная сеть взаимопомощи сделали движение прибежищем для тех, кто чувствовал себя забытым в эпоху китайского экономического чуда.

Однако этот взрывной рост не мог остаться незамеченным «Большим Красным Драконом» — именно так в эсхатологии Церкви именуется Коммунистическая партия Китая. В 1995 году власти классифицировали движение как «се цзяо». Этот ярлык стал, по сути, ордером на репрессии без границ.

Документы Китайской ассоциации по борьбе с культами (САСА) свидетельствуют о системном подходе к искоренению инакомыслия. В ход пошли не только аресты, но и масштабные кампании дезинформации. Самым вопиющим примером стала трагедия 2014 года в Макдональдсе города Чжаоюань, где была жестоко убита женщина. В тот роковой день группа людей с безумной жестокостью забила до смерти 37-летнюю женщину за отказ дать свой номер телефона. Государственная пропагандистская машина сработала мгновенно и синхронно: уже через несколько часов, еще до начала полноценного следствия, все официальные СМИ трубили о том, что убийство совершили фанатики из Церкви Всемогущего Бога. Это чудовищное преступление стало краеугольным камнем в фундаменте оправдания массовых репрессий. Кадры с места события транслировались по всей стране в прайм-тайм, вызывая волну народного гнева, отвращения и страха. Это была идеально срежиссированная информационная атака, призванная дегуманизировать верующих. Лишь значительно позже, благодаря кропотливой и опасной работе независимых западных исследователей, в частности профессора Массимо Интровинье и специалистов Центра изучения новых религий (CESNUR),

правда начала пробиваться сквозь бетонную стену пропаганды. Детальный анализ судебных протоколов и интервью с обвиняемыми показал шокирующую картину фальсификации. Убийцы действительно принадлежали к религиозной группе, но их верования кардинально отличались от теологии Церкви Всемогущего Бога. Более того, на суде сами преступники открыто заявили, что не имеют отношения к Церкви Всемогущего Бога, и даже называли её «ложным культом». Но факты уже не интересовали заказчиков репрессий. Трагедия в Чжаоюане была использована как *casus belli* (повод для войны) для запуска того, что позже правозащитники назовут «охотой на ведьм» XXI века. Отчеты правозащитных организаций, таких как Human Rights Watch и Amnesty International, рисуют леденящую кровь картину того, что происходит за стенами китайских тюрем и центров «перевоспитания». Речь идет о конвейере уничтожения человеческого достоинства. Статистика, которую с трудом удастся собрать правозащитникам, ужасает своей сухостью, за которой стоят искалеченные судьбы: по данным, скрупулезно собранным правозащитными группами и самой церковью, с 2011 года число арестованных верующих исчисляется сотнями тысяч. Только в ходе одной кампании 2012 года было задержано около тысячи человек. К 2020 году, согласно неполным статистическим данным, общее число арестов перевалило за 420 тысяч. Власти проводили скоординированные операции с военными названиями, такие как «Стодневная битва» или кампания «Ноль членов ЦВБ», превращая целые провинции в зоны зачистки. В 2024 году были арестованы около двадцати тысяч человек, многие из которых получили длительные тюремные сроки.

Методы «перевоспитания» отличаются садистской изобретательностью и психологической выверенностью. Одной из самых распространенных пыток является «изнурение орла», когда человека лишают сна на несколько суток подряд, доводя до галлюцинаций и полного нервного срыва. Верующих подвешивают за наручники к оконным решеткам, пытаются электрическими дубинками, прижигают кожу сигаретами, заставляют сидеть на узких ребристых пластиковых табуретах по 18–20 часов в день без движения, пока на теле не образуются гноящиеся язвы. Но физическая боль — лишь инструмент. Заключение заставляют подписывать «три заявления»: заявление о раскаянии, заявление о гарантии и заявление о разрыве связей с церковью. От них требуют не просто формального отказа, а публичного отречения своих убеждений, записи видеообращений с проклятиями в адрес Бога и доносов на бывших единоверцев. Эта система, пугающе напоминающая лагеря перевоспитания в Синьцзяне, функционирует вне какого-либо правового поля.

Люди исчезают в «черных тюрьмах», и их семьи годами не знают об их судьбе, обивая пороги инстанций. Смерти в заключении стали страшной обыденностью. Задokumentированы десятки случаев, когда здоровые люди умирали через несколько дней после ареста, а на их телах, выданных родственникам для кремации, обнаруживались следы жестоких побоев, кровоподтеки и ожоги. Однако власти неизменно списывали все на «сердечные приступы» или самоубийства, поспешно закрывая дела и запугивая родственников, чтобы те молчали.

Последствия этой политики катастрофичны и выходят далеко за пределы Китая. Десятки тысяч семей разрушены, дети остаются без родителей, которые находятся в бегах или в тюрьмах, старики умирают в одиночестве без поддержки. Сообщества верующих, загнанные в глубокое подполье, живут в атмосфере постоянного ужаса, ожидая стука в дверь в любое время дня и ночи.

КНР применяет инструменты транснационального давления на критиков и религиозные меньшинства за рубежом, в том числе через прокси-структуры и пропагандистские кампании. Верующие, ищущие убежища в Южной Корее, Европе и Северной Америке, сталкиваются с парадоксальной ситуацией. С одной стороны, они бегут от реальной угрозы смерти, с другой — натываются на стену непонимания и бюрократии, возведенную усилиями прокитайских лоббистов и антикультуристских организаций. Эти структуры, часто действующие под маской защиты семьи и общества, транслируют нарративы КПК, убеждая миграционные службы демократических стран в том, что беженцы являются не жертвами, а опасными «сектантами». Это приводит к отказам в убежище и депортациям обратно в Китай, где людей ждет высокий риск уголовного преследования и жестокого обращения.

Долгое время международное сообщество полагало, что чудовищная индустрия, разоблаченная в середине 2000-х годов в отчетах Дэвида Килгура, Дэвида Мэйтаса и Итана Гутмана, касалась исключительно последователей Фалуныгун. Эта группа стала лишь первой, превращенной в национальный «банк живых доноров», на которой тоталитарная машина отработала свои логистические и медицинские протоколы. Погружаясь в массивы данных последних лет, изучая отчеты Human Rights Watch, документы САСА и свидетельские показания, с огромным трудом просачивающиеся сквозь информационную блокаду, приходится приходиться к леденящему кровь выводу: инфраструктура смерти существенно расширила свой «ассортимент». Маховик репрессий, запущенный десятилетия назад, требовал

нового топлива, и члены Церкви Всемогущего Бога, отнесённые китайскими властями к категории *xie jiao* — термину, который в официальном дискурсе КНР часто переводят как «(evil) cult», — и подвергнутые масштабной стигматизации, идеально подошли на эту трагическую роль. Свидетельства, кропотливо правозащитниками и независимыми исследователями, рисуют одну и ту же сюрреалистическую картину в разных провинциях Китая. Узников совести, принадлежащих к Церкви Всемогущего Бога, подвергают забору крови, делают рентген легких, проводят углубленное ультразвуковое исследование брюшной полости и почек, проверяют состояние роговицы глаз. Ничего не вспомнилось? Тот же почерк, та же схема, те же мотивы. Вдумайтесь в абсурдность этой ситуации: пенитенциарная система, которая экономит на миске риса для заключенного, которая отказывает ему в базовом лечении переломов, полученных в ходе пыток, и не дает даже аспирина при лихорадке, вдруг тратит значительные бюджетные средства на проверку функциональности его печени и сердца. Зачем тюремщику, чья задача — сломать дух, знать, здорова ли печень человека, которого он завтра планирует снова избивать? Ответ страшен своей прагматичностью: товар должен быть качественным. Эти медицинские осмотры не имеют ничего общего с заботой о здоровье. Это инвентаризация склада.

История Ран Ли, арестованной в 2021 году, является лишь одним из тысяч задокументированных примеров, но именно в деталях таких историй кроется дьявол. После освобождения она весила всего 25 килограммов, ее суставы были необратимо деформированы, а организм истощен до предела. Но в период заключения ее, как и многих ее единоверцев, подвергали серии специфических медицинских тестов. Эксперты ООН и расследователи неоднократно указывали на странную избирательность этих процедур: уголовников, убийц, грабителей и насильников, содержащихся в тех же учреждениях, не проверяют с такой тщательностью. «Спецобслуживание» в виде УЗИ, рентгена и развернутых анализов крови получают только те, кто принадлежит к преследуемым группам — уйгуры, тибетцы, последователи Фалуньгун и, прихожане Церкви Всемогущего Бога. Данные этих обследований, по всей видимости, не оседают в медицинской карте заключенного, а стекаются в единую цифровую базу данных. Особенно показательным является анализ ситуации после 2014 года. Именно тогда Китай под давлением мировой общественности официально заявил об отказе от использования органов казненных заключенных и о полном переходе на систему добровольного гражданского донорства. На бумаге и в дипломатических отчетах

это выглядело как огромный шаг к цивилизации и гуманизму. В реальности же, как показывают графики роста трансплантаций и независимые расследования, эта реформа стала ширмой для еще более масштабного и скрытого преступления. Статистика — вещь упрямая, и в данном случае она кричит о вопиющем несоответствии. Некоторые правозащитные организации и исследователи утверждают, что проведено от 60 до 100 тысяч операций по пересадке органов. При этом официальное количество реальных посмертных доноров в стране ничтожно мало, особенно учитывая глубокие культурные традиции Китая, где тело умершего принято хоронить целым, чтобы обеспечить покой душе.

Возникает математическая загадка, решение которой несовместимо с презумпцией невиновности китайской медицинской системы. Откуда берутся десятки тысяч недостающих органов? И как объяснить уникальный китайский феномен, когда время ожидания подходящего сердца или печени (органов, которые невозможно хранить долго) составляет считанные дни, а иногда и недели, в то время как в развитых странах с прозрачными и отлаженными системами донорства пациенты ждут годами, и многие умирают, так и не дождавшись? Такая невероятная скорость и предсказуемость возможны только в одном случае: если донор не умирает естественной смертью в реанимации после аварии, а ждет своего часа в тюремной камере, живой и готовый быть убитым по конкретному заказу. И для бесперебойного функционирования этой индустрии нужен огромный, постоянно пополняемый пул людей, полностью лишенных гражданских прав, чье исчезновение не вызовет вопросов у прокуратуры или прессы. Члены Церкви Всемогущего Бога, ставшие объектом масштабных полицейских операций, включая кампанию «Простукивание дверей», оказались в группе повышенного риска: правозащитники и независимые исследователи указывают, что в условиях дефицита донорских органов именно такие категории узников совести могут рассматриваться системой как потенциальный источник «биоматериала».

Самые страшные свидетельства приходят оттуда, откуда обычно не возвращаются. Это фрагментарные истории тех, кто умер в заключении при крайне «подозрительных обстоятельствах». Случай Хэ Лифана, скончавшегося под стражей в 2019 году, мог бы стать сюжетом гротескного фильма ужасов, если бы не был сухой реальностью, зафиксированной в публичных правозащитных описаниях. Когда семье после долгих препирательств наконец разрешили увидеть тело, они столкнулись с картиной, которую невозможно стереть из памяти: на теле

были зашитый разрез на груди и открытый разрез на спине. Власти давали противоречивые объяснения — то называя это «вскрытием», то меняя версию, — при этом родственникам не предоставили внятных медицинских документов и не обеспечили независимой экспертизы. На фоне этой закрытости и давления семья высказывала подозрение, что речь может идти о насильственных медицинских манипуляциях, вплоть до изъятия органов, однако проверить это независимым способом оказалось практически невозможно.

Другой вопиющий случай — смерть Чжан Жуйся, которая была замучена до смерти в застенках. Родственники, которым удалось осмотреть тело, обнаружили вдавленный живот и длинный шрам, свидетельствующий о масштабном хирургическом вмешательстве. Эти шрамы — это не просто следы скальпеля, это автографы системы. Они говорят нам о том, что человек был в буквальном смысле разобран на части, как угнанный автомобиль в гараже. И самое ужасное в этом осознании то, что подобные операции проводятся не в подпольных подвалах маргинальными мясниками, а в государственных военных и гражданских госпиталях, в стерильных операционных, руками высококвалифицированных дипломированных хирургов, которые, возможно, проходили стажировку в лучших клиниках Запада и давали клятву Гиппократу.

Мы наблюдаем пугающую эволюцию методов сокрытия улик. Если в начале 2000-х годов, в разгар преследования Фалуныгун, тела часто кремировали без ведома родных, просто выдавая урну с пеплом, то теперь система научилась действовать тоньше, но от этого не менее жестоко. Количество бесследных исчезновений говорит само за себя. Отчеты CESNUR и других наблюдателей указывают на то, что тысячи арестованных членов Церкви Всемогущего Бога просто растворяются в недрах пенитенциарной системы. Семьям не выдают тела, не сообщают о причине смерти, не указывают место захоронения. Человек был арестован, его видели в центре задержания, затем его перевели в неизвестном направлении — и на этом след обрывается навсегда. В контексте данных о необъяснимом росте трансплантаций каждое такое исчезновение вызывает у международного сообщества серьёзные опасения и требует тщательного расследования. Методы преследования, выстроенные при Цзян Цзэминь в кампании против Фалуныгун — включая внеправовую координацию, пропаганду и практики “трансформации” — со временем были расширены и адаптированы для применения к другим группам, отнесённым государством к хié jiào, включая Церковь Всемогущего Бога. Сценарий

всегда один. Сначала — массированная пропаганда, расчеловечивание, навешивание ярлыка «злого культа», который автоматически снимает любые моральные и юридические ограничения с исполнителей. Верующий перестает быть гражданином, он становится «вирусом». Затем следуют массовые аресты и создание гигантского резерва заключенных, фактически бесплатной рабочей силы и биомассы. И, наконец, наступает этап коммерциализации репрессий. Органы людей из преследуемых общин продаются иностранным и богатым внутренним клиентам за десятки и сотни тысяч долларов. Это превращает преследование веры из чисто политического акта по защите идеологии в высокодоходный теневой бизнес.

Нельзя игнорировать и многочисленные косвенные улики, такие как странные смерти вполне здоровых молодых людей в заключении. Дело госпожи Гао, умершей якобы от «внезапного сердечного приступа», вызывает массу вопросов у любого независимого судебно-медицинского эксперта. Синяки под мышками, характерно посиневшее лицо — это признаки, указывающие на пытки электрошоком и возможное удушение, но никак не на естественную кардиологическую смерть. Однако в условиях тотальной закрытости Китая, когда любое независимое расследование на месте приравнивается к шпионажу и подрыву государственной безопасности, доказать факт изъятия органов в каждом конкретном случае невероятно сложно. Мы вынуждены оперировать совокупностью фактов: полное отсутствие хронических болезней до ареста, странные и ненужные медицинские осмотры в тюрьме, скоропостижная смерть, категорический отказ в выдаче тела или наличие необъяснимых хирургических швов, и, наконец, аномальная статистика трансплантаций в том регионе, где содержался заключенный. Особую, зловещую роль в этой трагедии играют антикультисты и профессиональные пропагандисты, работающие в связке с КПК. Именно они создают тот информационный фон, в котором люди из преследуемых общин предстают не людьми, имеющими право на свои убеждения. Эта риторика жизненно необходима системе не только для оправдания арестов, но и для того, чтобы у хирурга не дрогнула рука, когда он вскрывает грудную клетку живого человека. Дегуманизация — это анестезия для совести палача. Когда человека пропаганда низводит до статуса «злого элемента», его тело в сознании исполнителей становится собственностью государства, ресурсом, который можно и нужно утилизировать с пользой для «достойных», «правильных» граждан. Антикультистские организации, транслирующие эту ненависть, фактически

становятся соучастниками убийств, подготавливая почву для того, чтобы общество закрывало глаза на исчезновения своих соседей.

Необходимо обратить пристальное внимание на свидетельства тех, кто выжил и смог выбраться из этого ада, таких как Сюэ Цин. Вернувшись из заключения в 2024 году, она представляла собой лишь тень прежней личности: тяжелая ментальная инвалидность, потеря памяти, необратимые физические увечья. Ее не убили ради органов. Возможно, потому что в процессе жестоких пыток или первичных обследований ее органы были повреждены и признаны непригодными для трансплантации. Или же «заказ» на ее биологические параметры был отменен в последний момент. Но само ее состояние — это живое свидетельство того, через какую мясорубку проходят эти люди. Снижение интеллекта взрослой женщины до уровня ребенка, множественные переломы и шрамы — это следы работы того самого конвейера, который ломает и выбрасывает тех, кого не успел переработать на запчасти.

Анализируя данные за последние несколько лет, становится очевидно, что репрессии против ЦВБ приобрели системный, индустриальный характер. Кампании по массовому задержанию обеспечили постоянный приток «свежей крови» в лагеря и центры заключения. Параллельно с этим росла и трансплантационная активность в ключевых регионах. В Синьцзяне, где в огромных лагерях содержатся не только уйгуры, но и члены ЦВБ, были зафиксированы случаи создания «зеленых коридоров» для транспортировки органов в гражданских аэропортах. Это логистика смерти, отлаженная до минут. Орган, изъятый у заключенного в Урумчи или Ланьчжоу, немедленно доставляется на борт самолета и уже через несколько часов бьется в теле пациента в Пекине или Шанхае. Такая эффективность невозможна без прямой координации между тюремной администрацией, транспортными службами и ведущими медицинскими центрами.

В этом кровавом уравнении нет неизвестных переменных, есть только переменные, о которых цивилизованный мир боится говорить вслух из-за политической и экономической целесообразности. Рост количества трансплантаций на фоне официальных заявлений о «реформе» — это ложь, оплаченная тысячами человеческих жизней. Международное медицинское сообщество, фармацевтические гиганты и университеты, ослепленные выгодами сотрудничества с Китаем, зачастую предпочитают не замечать сомнительного

происхождения этих органов. Но это молчание — не нейтралитет, это прямое соучастие. Когда мы читаем сухие отчеты о 60 или 100 тысячах трансплантаций в год и сопоставляем эти цифры с тысячами исчезнувших без вести верующих, имена которых мы даже не всегда знаем, мы видим не просто статистическое совпадение. Мы видим преступление против человечности, совершаемое в режиме реального времени, здесь и сейчас. Это холодное, расчетливое, технологичное и бюрократическое зло. В нем участвуют люди в белых халатах, дававшие клятву «не навреди», судьи, призванные защищать закон, полицейские, обязанные охранять порядок, и пропагандисты, формирующие общественное мнение. Все они — винтики в гигантской машине, перерабатывающей живых, чувствующих, верующих людей в валюту и медицинские запчасти. Трагедия членов Церкви Всемогущего Бога, как и трагедия Фалуныгун, уйгуров и тибетцев, заключается не только в том, что их убивают за веру. Их трагедия в том, что их смерть стала утилитарной. Их тела были национализированы тоталитарным государством, а их жизнь оценена по прейскуранту черного рынка органов.

Архивы Bitter Winter за период с 2018 по 2024 годы рисуют картину, напоминающую средневековые застенки, оснащенные технологиями XXI века. В материале Bitter Winter, опубликованном 1 июля 2020 года, сообщалось об арестах верующих (в том числе в провинции Цзянсу) и о том, что верующего примерно 70 лет подвергали жесткому давлению на допросе. Во многих правовых системах пожилой возраст обычно рассматривается как смягчающее обстоятельство, однако китайская система безопасности «вэйвэнь», по описаниям источников Bitter Winter, игнорирует его, если речь идет об идеологической угрозе. Верующего доставили в неофициальное место содержания (в публикациях Bitter Winter упоминались, например, помещения вроде гостиниц), где начался допрос, целью которого было получение имен других членов общины. Когда стандартные угрозы не подействовали, следователи перешли к физическому воздействию. Жестокость по отношению к пожилым людям демонстрирует, что для КПК борьба с ЦВБ вышла за рамки правоохранительной деятельности и стала войной на уничтожение, где враг лишается человеческого облика.

Широко распространенным методом пыток, описанным в множестве отчетов, является депривация сна, которую на тюремном сленге цинично называют «варкой орла». Этот метод не оставляет синяков, но разрушает психику быстрее, чем физическая боль. Верующий из одного из южных регионов Китая описал свой опыт

пребывания в «центре правового обучения» — эвфемизм для лагерей промывания мозгов. Его лишали сна несколько суток подряд. Он был привязан к стулу под ярким светом, и каждый раз, когда его веки тяжелели, надзиратели или специально назначенные заключенные били его, обливали ледяной водой или ударяли по металлическим предметам рядом с ушами. Но самым страшным было не собственное страдание, а коллективная ответственность. В камеру к нему посадили группу уголовных заключенных, которым надзиратели дали понять: если «сектант» не подпишет отречение, никто из них не будет спать. Это создавало атмосферу ненависти, где сами заключенные становились добровольными палачами, избивая верующего, чтобы вернуть себе право на сон. Этот метод психологического перелома направлен на то, чтобы человек почувствовал себя виновником страданий окружающих, сломив его волю через чувство вины и изоляцию.

Женщины в застенках китайской системы безопасности подвергаются особо унижительным и жестоким процедурам. В отчетах за 2020 год фигурирует история молодой верующей из Цзянсу, чей допрос превратился в эксперимент по причинению боли. Согласно одному из свидетельств, в отношении заключенной применяли физическое насилие, угрозы и «перцовые» воздействия на лицо и глаза, чтобы добиться отказа от веры. Также упоминается применение электрошоковых средств и длительное давление через режим «трансформации/перевоспитания». Ощущение удушья смешивалось с нестерпимым жжением. Эта пытка, не оставляющая переломов, но вызывающая невыносимые мучения, рассчитана на то, чтобы вызвать панический ужас и полную покорность. В ряде случаев женщины не выдерживали давления. Эти методы физического воздействия идут рука об руку с тем, что называется «депрограммированием» или «трансформацией через образование».

Параллели с репрессиями против других групп очевидны и пугающе. В публикациях «Bitter Winter» описывается конфиденциальный документ Центральной политико-юридической комиссии, разосланный в сентябре 2020 года, с установкой на трёхлетнюю кампанию по подавлению — что лишь подтверждает, что этот опыт масштабируется и систематизируется. В этой войне используются передовые технологии слежки: системы распознавания лиц, анализ больших данных и мониторинг смартфонов превращают весь Китай в цифровую тюрьму, где скрыться практически невозможно. Взглянув на эти разрозненные

истории как на единое полотно, мы видим не просто борьбу государства с религиозным движением, а механизм подавления, доведенный до совершенства. Это цикл репрессий, который питает сам себя: жестокость порождает сопротивление, сопротивление вызывает еще большую жестокость. Международное сообщество, часто ограничивающееся выражением «глубокой озабоченности», оказывается невольным зрителем, а иногда и пособником этой трагедии, отказывая в убежище жертвам на основании формальных критериев. Пока мир дебатировал о торговых балансах и геополитике, в камерах провинции Цзянсу гаснет свет, включаются электрические дубинки, и в тишине, нарушаемой лишь криками, продолжается жатва молчания. История показала: если прав лишают одну группу, то неизбежно придут и за другими.

Беспредел, творимый сегодня за закрытыми дверями китайских трансплантационных центров и тюремных больниц, — это не внутренняя проблема Китая, которую можно игнорировать под предлогом невмешательства. Это прямой вызов всей современной цивилизации и ее этическим основам. Если человечество готово принять и «нормализовать» мир, где человека можно разобрать на органы только из-за того, что он читает «неправильные» книги, молится «неправильному» Богу или мыслит иначе, чем предписано партией, то мы уже перешли ту черту, за которой начинается необратимый моральный распад нашего вида.

Мы, как свидетели этой эпохи, обладающие знанием, обязаны положить этому конец. Мы не можем вернуть тех, кто исчез в печах тюремных крематориев или чьи сердца теперь бьются в чужих телах, но мы можем и должны назвать вещи своими именами: палачей — палачами, жертв — мучениками, а пропагандистов — соучастниками. Только правда, громко сказанная в лицо тирании, может остановить этот конвейер смерти и не позволить циничной лжи антикультистов окончательно скрыть одно из самых чудовищных преступлений нашего времени.

Что мы можем сделать?

Когда последняя страница хроник преследования перевернута, когда затихают голоса свидетелей и высыхают чернила на полицейских протоколах, остается тишина. Это тяжелое, гнетущее безмолвие, пропитанное страхом и невысказанной болью миллионов людей. Мы прошли долгий путь сквозь лабиринты трудовых лагерей, через стерильный ужас операционных залов и душные камеры допросов.

Мы увидели, как глобальная машина, вооруженная передовыми технологиями и архаичной жестокостью, перемалывает человеческие судьбы. Но теперь мы обязаны задать себе самый главный, самый трудный вопрос: что мы можем сделать?

Ответ на этот вопрос требует мужества взглянуть в лицо реальности, которая вышла далеко за пределы географических границ Китая. То, что мы наблюдаем сегодня, — это не локальный кризис прав человека. Это глобальная угроза, ползучая экспансия тоталитарной методологии, которая, подобно вирусу, ищет уязвимые места в иммунной системе демократических обществ.

Особую тревогу вызывает роль международных организаций, призванных, казалось бы, защищать общество, но на деле становящихся проводниками нетерпимости. Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве (FECRIS), чьи конференции часто становятся трибуной для риторики ненависти, играет в этом процессе зловещую роль. Под эгидой борьбы с «сектами» происходит легитимизация преследований, и нити этой паутины тянутся через границы и континенты.

К примеру, во Франции деятельность межведомственной миссии MIVILUDES и принятие жестких антисектантских законов демонстрируют, как даже в демократическом обществе государственная машина может быть использована для стигматизации религиозных групп. Хотя мотивы французских властей могут отличаться от мотивов Пекина или Москвы, инструментарий — создание списков «подозрительных» организаций, давление на ассоциации, формирование образа внутреннего врага — создает опасный прецедент. Это размывает границы допустимого вмешательства государства в личную сферу убеждений и льет воду на мельницу тех, кто мечтает об унификации мысли. Эхо этой политики слышно и в других регионах. Во Вьетнаме и Иране, странах с жесткими идеологическими каркасами, мы наблюдаем схожие паттерны подавления. Власти этих государств, следуя антикультовой логике, рассматривают независимые религиозные движения не как часть гражданского общества, а как угрозу национальной безопасности. Любая группа, выходящая за рамки государственного контроля, объявляется враждебной, и против нее разворачивается весь арсенал репрессивных мер — от слежки до тюремных заключений.

Однако осознание масштаба угрозы — это лишь первый шаг. Отчаяние — плохой советчик, и история учит нас, что даже самые мрачные режимы не могут вечно противостоять силе правды и человеческой солидарности. Необходимость действия сегодня звучит громче, чем когда-либо. Он исходит не только от жертв, чьи голоса пытаются заглушить, но и от международного сообщества, которое начинает просыпаться от летаргического сна безразличия. Первое и самое мощное оружие в наших руках — это информация. Молчание — главный союзник палачей. Кампании по распространению информации не должны ограничиваться сухими отчетами правозащитников; они должны стать общественным набатом.

Но слов недостаточно. Одной из самых страшных страниц в этой хронике является индустрия насильственного изъятия органов — «трансплантационный туризм», превративший медицину в конвейер смерти. Мир не имеет права закрывать на это глаза ради выгодных торговых контрактов. Инициативы врачей, такие как деятельность организации DAFON («Врачи против насильственного извлечения органов»), показывают путь профессиональной совести.

Принятие Палатой представителей США акта «О защите Фалуныгун» (Falun Gong Protection Act) и аналогичных резолюций в Европейском парламенте — это исторические вехи. Эти документы создают правовой механизм для преследования тех, кто стоит за организацией репрессий и торговли органами. Важно, чтобы подобные законы были приняты во всех демократических странах. Санкции против чиновников, виновных в преследованиях, запрет на въезд, арест активов — преступники должны знать, что их деяния не останутся безнаказанными, где бы они ни пытались спрятать свои капиталы. Нельзя забывать и о тех, кто уже сумел вырваться из ада, но оказался в подвешенном состоянии в чужих странах. Помощь беженцам — это тест на нашу гуманность. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (UNHCR) и многочисленные неправительственные организации делают титаническую работу, но их ресурсов часто недостаточно. Жертвы религиозных репрессий в Китае, оказавшиеся за границей, часто сталкиваются с длинными руками китайских спецслужб, давлением на родственников, оставшихся на родине, и бюрократическим равнодушием принимающих стран. Стоит острая необходимость упрощения процедур предоставления убежища для тех, кому грозит смертельная опасность за их веру. Создание безопасных гаваней для преследуемых — это не просто акт милосердия, это стратегический ответ тирании.

Битва за умы идет не только в Китае, но и по всему миру. Антикультистская пропаганда, мифы о «промывании мозгов», созданные для оправдания репрессий, должны встречать жесткий интеллектуальный отпор. Развитие критического мышления — наша вакцина против вируса ненависти. Ресурсы таких организаций, как CESNUR (Центр изучения новых религий), предоставляют научный, взвешенный взгляд на религиозные движения, развенчивая стереотипы, насаждаемые антикультистами. Мы должны учиться различать факты и пропагандистские клише, понимать природу духовного поиска и защищать право каждого человека на этот поиск. Образование и просвещение лишают почву под ногами тех, кто хочет разделить мир на «правильных» верующих и «опасные секты».

Перед нами стоит колоссальная задача. Система, описанная в этой книге, сильна и безжалостна. Она уверена в своей безнаказанности и в том, что мир предпочтет дешевые товары и геополитическую стабильность защите прав какой-то группы людей, занимающихся медитацией или читающих Библию. Но колоссы на глиняных ногах рушатся тогда, когда люди перестают бояться и начинают действовать. Каждое наше действие — будь то подпись под петицией, разговор с соседом, решение врача или голосование парламентария — это песчинка, которая может заклинить шестеренки машины смерти. Мы не имеем права отступать. Ибо, в конечном счете, эта борьба идет не за политическое влияние и не за экономические интересы. Это борьба за душу человечества, за право оставаться людьми в мире, который пытается превратить нас в послушные винтики.

Источники

1. Amnesty International. China. <https://www.amnesty.org/en/location/asia-and-the-pacific/east-asia/china/>
2. Beliakova, N., & Kliueva, V. (2023). Anti-cult movement and religious freedom for religious minorities in the Russian Arctic. *Religions*, 14(8), 1062.
3. Berzano, L., Falikov, B., Fautré, W., Filipovich, L., Introvigne, M., & Rigal-Cellard, B. (2022). Sympathy for the devil: The anti-cult federation FECRIS and its support for Russian and Chinese repression of religion. *The Journal of CESNUR*, 6(3), 25–67. <https://doi.org/10.26338/tjoc.2022.6.3.2>
4. Berzano, L., Falikov, B., Fautré, W., Filipovich, L., Introvigne, M., & Rigal-Cellard, B. (2022). Anti-cult ideology and FECRIS: Dangers for religious freedom. *The Journal of CESNUR*, 6(3), 3–24. <https://doi.org/10.26338/tjoc.2022.6.3.1>
5. CESNUR. CESNUR: The Center for Studies on New Religions. https://www.cesnur.org/about_en.htm
6. CESNUR. The Journal of CESNUR (portal). <https://cesnur.net/>
7. China Tribunal. Final judgment. <https://chinatribunal.com/final-judgment/>
8. China Tribunal. (2019). Final judgment & summary – 2019 [PDF]. https://chinatribunal.com/wp-content/uploads/2019/07/ChinaTribunal_SummaryJudgment_17June2019.pdf
9. China Tribunal. Short form of the China Tribunal's judgment [PDF]. Parliament of Australia. <https://www.aph.gov.au/DocumentStore.ashx?id=cca89ff8-e585-4b88-8fec-9999a797af1e&subId=752896>
10. Clearwisdom.net. (2002, March 26). Special topic on the self-immolation. https://en.minghui.org/emh/special_column/self-immolation_video.html
11. Clearwisdom.net. (2002, March 26). Analysis of video footage of the “Tiananmen self-immolation”. https://en.minghui.org/emh/special_column/self-immolation_video.html
12. Doctors Against Forced Organ Harvesting. Doctors Against Forced Organ Harvesting (DAFOH). <https://dafoh.org/>
13. Dui Hua Foundation. (2022, March 29). The persecution of unorthodox religious groups in China [Report]. https://duihua.org/wp-content/uploads/2023/11/Persecution-of-Unorthodox-Religious-Group_Dui-Hua-Report.pdf

14. Dunn, E. (2015). *Lightning from the East: Heterodoxy and Christianity in contemporary China*. Brill.
15. Dunn, E. (2015). *Eastern Lightning (Church of Almighty God) and religion in China*. In *Lightning from the East: Heterodoxy and Christianity in contemporary China*. Brill.
16. Dunn, E. (2022). Review of *Inside the Church of Almighty God: The most persecuted religious movement in China*, by M. Introvigne. *The China Journal*, (87), 145–147.
17. European Parliament. (2016, December 15). European Parliament resolution of 12 December 2013 on organ harvesting in China (2013/2981(RSP)) (2016/C 468/30). *Official Journal of the European Union*, C 468, 208–209. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52013IP0603>
18. European Parliament. (2013, December 12). Organ harvesting in China (2013/2981(RSP)) (P7_TA(2013)0603). <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52013IP0603>
19. False Fire. FALSE FIRE (official site). <https://www.falsefire.com/>
20. False Fire. About the False Fire Documentary. <https://www.falsefire.com/en/about/>
21. Falun Dafa Information Center. Falun Dafa Information Center. <https://faluninfo.net/>
22. Fautré, W. (2018). Anti-cult wars in Europe: FECRIS, Alexander Dvorkin and others. The case of the Applied Sciences Association in Odessa. *The Journal of CESNUR*, 2(3), 54–65. http://cesnur.net/wp-content/uploads/2018/06/tjoc_2_3_4_fautre.pdf
23. Freedom House. China: Country profile. <https://freedomhouse.org/country/china>
24. Freedom House. (2025). Freedom in the World 2025: China. <https://freedomhouse.org/country/china/freedom-world/2025> Freedom House
25. Gutmann, E. (2014). *The slaughter: Mass killings, organ harvesting, and China's secret solution to its dissident problem*. Prometheus Books.
26. Gu, A. (2004, May 2). On the fifth anniversary of the “April 25 appeal” — Remembering April 25, 1999 (Part 2). Falun Dafa—Minghui.org. <https://en.minghui.org/html/articles/2004/5/2/47643.html>
27. Hurley, R. (2019, June 18). China's forced organ harvesting constitutes crimes against humanity, informal London tribunal finds. *BMJ*, 365, l4287.

28. Human Rights Watch. China and Tibet. <https://www.hrw.org/asia/china> Human Rights Watch
29. Independent Tribunal into Forced Organ Harvesting from Prisoners of Conscience in China. (2019, June 17). Final judgment & summary—2019 (Summary judgment). https://chinatribunal.com/final-judgement-report/chinatribunal_summaryjudgment_17june2019/
30. Independent Tribunal into Forced Organ Harvesting from Prisoners of Conscience in China. (2020, March 1). Judgment. https://chinatribunal.com/final-judgment-report/chinatribunal_judgment_1stmarch_2020/
31. Independent Tribunal into Forced Organ Harvesting from Prisoners of Conscience in China. (2019, June 17). Short form of the China Tribunal's judgment. <https://www.aph.gov.au/DocumentStore.ashx?id=cca89ff8-e585-4b88-8fec-9999a797af1e&subId=752896>
32. Introvigne, M. (1997, December 1). Religious liberty in Europe [PDF]. <https://www.scientology-fakten.de/wp-content/uploads/2015/03/religious-liberty-in-europe-massimo-introvigne.pdf>
33. Introvigne, M. (2020). Inside the Church of Almighty God: The most persecuted religious movement in China. Oxford University Press.
34. Introvigne, M. (2020). The Church of Almighty God: Origins and beliefs. In Inside the Church of Almighty God: The most persecuted religious movement in China (pp. 27–48). Oxford University Press.
35. Introvigne, M. (2024, April 22). Russia and FECRIS: When a picture is worth a thousand words. Human Rights Without Frontiers. <https://hrwf.eu/russia-russia-and-fecris-when-a-picture-is-worth-a-thousand-words/>
36. Kilgour, D., Gutmann, E., & Matas, D. (2016). 2016 investigation – An update [Report; web version with download link]. The International Coalition to End Transplant Abuse in China. <https://endtransplantabuse.org/an-update/> Mahase, E. (2024). Chinese survivor of forced organ harvesting speaks out. BMJ. <https://www.bmj.com/content/386/bmj.q1786>
37. Kilgour, D., Gutmann, E., & Matas, D. (2016, June 22). Bloody Harvest / The Slaughter: An update [Report]. International Coalition to End Transplant Abuse in China. <https://endtransplantabuse.org/an-update/>
38. Kilgour, D., Matas, D. (2009). Bloody Harvest. The killing of Falun Gong for their organs. Seraphim Editions. https://endtransplantabuse.org/wp-content/uploads/2017/09/BloodyHarvest.WEB_.pdf

39. Matas, D., & Kilgour, D. (2009). Bloody harvest: The killing of Falun Gong for their organs. Seraphim Editions. https://endtransplantabuse.org/wp-content/uploads/2017/09/BloodyHarvest.WEB_.pdf
40. Matas, D., & Trey, T. (Eds.). (2012). State organs: Transplant abuse in China. Seraphim Editions.
41. Minghui.org. Persecution statistics. <https://en.minghui.org/cc/1/>
42. Minghui.org. Self-immolation hoax database. <https://en.minghui.org/cc/88/>
43. Minghui.org. Video evidence: Self-immolation hoax exposed.
https://en.minghui.org/emh/special_column/self-immolation_video.html
44. Minghui.org. Persecution. <https://en.minghui.org/cc/1/>
45. Minghui.org. Self-immolation hoax on Tiananmen Square.
<https://en.minghui.org/cc/88/>
46. Minghui.org. (2001, February 5). Washington Post: Human fire ignites Chinese mystery. <https://en.minghui.org/emh/articles/2001/2/5/4783.html>
47. Minghui.org. (2002, January 24). The self-immolation staged tragedy.
<https://en.minghui.org/html/articles/2002/1/24/18070p.html>
48. Minghui.org. (2003, July 22). Dalian Detention Center detains and persecutes Dafa practitioner Mr. Lu Kaili.
<https://en.minghui.org/html/articles/2003/7/22/38375.html>
49. Minghui.org. (2004, March 10). Zhu Rongji led us inside Zhongnanhai and shook hands with us. <https://en.minghui.org/emh/articles/2004/3/10/45906.html>
50. Minghui.org. (2004, May 2). On the fifth anniversary of April 25, 1999: A remembered history (Part 3).
<https://en.minghui.org/html/articles/2004/5/2/47643.html>
51. Minghui.org. (2010, October 4). Mr. Lu Kaili severely tortured in Panjin Prison; family visits denied. <https://en.minghui.org/html/articles/2010/10/4/120414.html>
52. Minghui.org. (2012, June 11). Mr. Lu Kaili, paralyzed due to persecution, recently transferred to Jinzhou Prison.
<https://en.minghui.org/html/articles/2012/6/11/133916.html>
53. Minghui.org. (2014, February 24). The Jinzhou Prison denies family visits to Lu Kaili for over two years.
<https://en.minghui.org/html/articles/2014/2/24/145585p.html>
54. Ochab, E. (2019, June 17). The China Tribunal pronounced its verdict on organ harvesting in China. Forbes.

- <https://www.forbes.com/sites/ewelinaochab/2019/06/17/the-china-tribunal-pronounced-its-verdict-on-organ-harvesting-in-china/>
55. Ownby, D. (2008). *Falun Gong and the future of China*. Oxford University Press.
56. Pan, P. P. (2001, February 4). Human fire ignites Chinese mystery: Motive for public burning intensifies fight over Falun Gong. *The Washington Post*.
https://www.falsefire.com/en/reports/human_fire_ignites_chinese_mystery/
57. Pan, P. P. (2001, February 5). *Washington Post: Human fire ignites Chinese mystery: Motive for public burning intensifies fight over Falun Gong* [Reprinted article]. Falun Dafa—Minghui.org.
<https://en.minghui.org/emh/articles/2001/2/5/4783.html>
58. Penny, B. (2012). *The religion of Falun Gong*. University of Chicago Press.
59. Richardson, J. T. (2015). Managing religion and the judicialization of religious freedom. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 54(1), 1–19.
60. Refworld. Refugee status determination. <https://www.refworld.org/thematic-area/refugee-status-determination>
61. Shi, C. (2004, March 10). Remembering April 25th, 1999: Zhu Rongji led us inside Zhongnanhai. Falun Dafa—Minghui.org.
<https://en.minghui.org/emh/articles/2004/3/10/45906.html>
62. Šorytė, R. (2024). The opposition to “cults” in various countries and its international coordination. *The Journal of CESNUR*, 8(6), 38–48.
63. The Dui Hua Foundation. (2022, March 29). The persecution of unorthodox religious groups in China. https://duihua.org/wp-content/uploads/2023/11/Persecution-of-Unorthodox-Religious-Group_Dui-Hua-Report.pdf
64. Tong, J. W. (2009). *Revenge of the Forbidden City: The suppression of the Falungong in China, 1999–2005*. Oxford University Press.
65. U.N. High Commissioner for Refugees. (n.d.). Refugee status determination (RSD). <https://www.unhcr.org/what-we-do/protect-human-rights/protection/refugee-status-determination>
66. University of Chinese Academy of Sciences. 中国科学院大学 (UCAS) [Official website]. <http://wwwucas.ac.cn/>
67. U.S. House of Representatives. (2021). *Falun Gong Protection Act (H.R. 6319, 117th Cong., 1st Sess.)* [Bill]. <https://www.congress.gov/117/bills/hr6319/BILLS-117hr6319ih.pdf>

68. U.S. Commission on International Religious Freedom. (2020, July). Issue update: The anti-cult movement and religious regulation in Russia and the former Soviet Union [PDF]. <https://www.uscirf.gov/sites/default/files/2020%20Anti-Cult%20Update%20-%20Religious%20Regulation%20in%20Russia.pdf>
69. U.S. House of Representatives. (2021). H.R. 6319: Falun Gong Protection Act (117th Cong., 1st Sess.) [Bill text]. Congress.gov. <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/6319/text>
70. U.S. House of Representatives. (2022). H.R. 6319: Falun Gong Protection Act—All actions (117th Cong.). Congress.gov. <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/6319/all-actions?overview=closed>
71. Wikipedia. 2001 Tiananmen Square self-immolation incident. In https://en.wikipedia.org/wiki/2001_Tiananmen_Square_self-immolation_incident
72. Wikipedia. Eastern Lightning. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Eastern_Lightning
73. Wikipedia. Kilgour–Matas report. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Kilgour%E2%80%93Matas_report
74. Wikipedia. Persecution of Falun Gong. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Persecution_of_Falun_Gong
75. Википедия. Хэ Цзосю. In Википедия. from https://ru.wikipedia.org/wiki/Хэ_Цзосю
76. Время правды. (2024, 29 октября). Фалунь Дафа: Преследования Нужно Остановить! [Video]. YouTube. https://youtu.be/cTCSawwn_gY